

**Покаяние как стиль христианской жизни
согласно Истокам Францисканства и
лютеранским источникам**

Содержание

Список сокращений

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ОБЩЕСТВЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СРЕДА ЭПОХИ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

1.1. Общее введение в социальное и религиозное положение Европы в эпоху святого Франциска

1.2. Катары

1.3. Вальденсы

Глава II. ОБРАЗ ПОКАЯНИЯ У СВЯТОГО ФРАНЦИСКА И ЕГО БРАТЬЕВ

2.1. Осознанность и восприятие своей греховности Франциском

2.1.1. Исповедание грехов Франциском

2.1.2. Исповедание грехов братьями святого Франциска

2.2. Покаянные практики святого Франциска

2.3. Покаянные практики братьев святого Франциска

2.4. Воздействие первых францисканцев на современное им общество

Глава III. ПОКАЯНИЕ «ЗА» И «ПРОТИВ» ЦЕРКВИ

3.1. Понимание индульгенций и позиция Мартина Лютера

3.2. Реакция Тридентского Собора

3.3. Покаяние в современном Учении Церкви

Заключение

Условные сокращения

БЛег	«Большая Легенда» св. Бонавентуры
ЗСпут	Легенда трех спутников
1	Чел «Первое житие святого Франциска» Фомы Челанского
2	Чел «Второе житие святого Франциска» Фомы Челанского
3	Зав Завещание
МЗав	Малое Завещание
Наст	Наставления
ПослМин	Послание министру
1ПослХр	Послание христианам (первая версия)
2ПослХр	Послание христианам (вторая версия)
Прав без бул	Правило, не утвержденное буллой
Прав с бул	Правило, утвержденное буллой

Введение

«Разговор о ПОКАЯНИИ И ПРИМИРЕНИИ для современного человека - это, прежде всего призыв к переосмыслению, в переводе на доступный и понятный для него язык, тех слов, которыми наш Спаситель и Учитель, начал проповедовать: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк 1,15), то есть примите радостную весть о любви, о том, что во Христе Бог делает нас своими детьми, а значит о братстве» (Иоанн Павел II, *Reconciliatio et poenitentia*, 1984, 1). Столь конкретными и ясными словами сегодняшний понтифик напоминает всем верующим о важности покаяния в их жизни. Автор избрал тему: «Покаяние как стиль христианской жизни согласно Истокам Францисканства и лютеранским источникам», так как она на сегодняшний день как нельзя более актуальна. В сегодняшнем мире, достаточно часто можно встретить гедонистические и эгоистические тенденции, люди порой забывают о таких фундаментальных вещах как милосердие, доброта, любовь, покаяние. Автор данной работы ставит перед собой цель: показать образ жизни христианина - как жизнь в покаянии. Одним из наилучших примеров для достижения этой цели, является жизнь святого Франциска Ассизского. Для этого святого покаяние являлось не одним из аспектов, а центром, способом его жизни. Немаловажно и то, что такой образ жизни полностью совпадает с образом жизни по Евангелию. Автор попытается представить понимание и подход к покаянию не только на примере Ассизского Бедняка и его братьев, но и на примере других людей и движений, существовавших во времена Франциска и после него. Что касается вальденсов, катаров и других еретических движений, существовавших в Средневековье, автор счел необходимым показать на их примере, каким образом можно стремиться к радикальному способу жизни в покаянии, стремиться к жизни по Евангелию, но достичь не святости, а исключения из Церкви. Те, которые вели, в какой-то степени, образ жизни подобный образу жизни святого Франциска, то есть жизнь в покаянии, закончили столь плачевно. Почему? Основная разница состоит в том, что Серафический Отец жил в покаянии и призывал к нему в лоне Церкви и для Ее блага. Он понимал, что вне Церкви нет спасения, а они направили свои силы против истинной Церкви Христовой, желая создать свою. Также и этот аспект попытается автор рассмотреть в работе, на основе доступной ему литературы.

Для Франциска следовать и подражать Христу - жить согласно Евангелию. Именно поэтому Серафический Отец первоначально совсем не стремился к написанию Устава, ибо наилучшим и самым совершенным Уставом для него было Евангелие. Поэтому Франциска уже на земле стали называть *Alter Christus*. то есть Вторым Христом. Какой смысл Франциск вкладывает в понятие творить покаяние? Для Ассизского Бедняка - это, прежде всего, стать монашествующим и примером своей жизни проповедовать покаяние. Все это он с великой любовью и старанием творит именно в Церкви. В полуразрушенной церквушке Сан Дамиано, когда с распятия обращается к нему Спаситель с наказом починить Церковь, Франциск принимает эти слова дословно и сразу же начинает с реставрации данного храма в материальном плане. Немного позже осознав, что Господь хочет от него восстановления Церкви в более глубоком смысле, он моментально за это принимается. Все, что не делал этот великий и в то же время очень простой человек, все делал из любви к Господу и Его Церкви. Отсюда, становится совсем ясным столь огромное уважение Франциска к церковным иерархам, священникам, которые порой в силу своих слабостей, по-человечески совсем не заслуживали его.

Несмотря на огромную роль, которую сыграл Франциск в восстановлении Церкви и проповедании покаяния как способа жизни, и после него исказилось правильное понятие и подход к покаянию. Наиболее ярким примером этому является реакция на сложившуюся ситуацию такого явления как Реформация во главе с основным ее представителем - Мартином Лютером. Возникают индульгенции, где присутствует огромная опасность искажения самой сущности покаяния: за определенную сумму денег, покаяние можно купить. В столь неблагоприятной ситуации создавшейся в Церкви,

появляется на арене истории Мартин Лютер. Подобно Франциску, он стремится изменить распространяющиеся искажения в Церкви. Он также проповедует покаяние как стиль жизни для христианина. Так, например, самый первый из его 95 тезисов, призывает верующих к тому, чтобы вся их жизнь была покаянием (Лютер М., Диспут о прояснении действительности индульгенций (95 тезисов), Санкт-Петербург 1996, № 1, С. 11). Несмотря на все эти благие идеи и схожесть в подходе к покаянию со святым Франциском, у доктора Лютера присутствовало одно различие, он выступил против Церкви. Как ответ на Реформацию в Церкви возникает сильное движение Контрреформации, приведшее к Тридентскому Собору, который сыграл незначительную роль в смысле непосредственного влияния на ход Реформации, но который дал конкретное представление о том, что такое Церковь. Несмотря на это, вместе с известным историком Йозефом Лортцом, мы можем воскликнуть: «Не будь Лютера, не было бы и Тридентского Собора!» (Лортц И., История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей, том II, М., 2000, С. 186). Все-таки, подхватив призыв Лютера, Тридентский Собор провозгласил, что вся жизнь христианина должна быть покаянием. Человек, к сожалению, слаб и постоянно нуждается в чьей-то поддержке, напоминании. Церковь, не забывая о своей задаче попечительства над вверенной ей Христом паствой, и в посттридентский период напоминала о жизни в покаянии, как пути достижения святости. Все это выразилось в различных документах Церкви, прежде всего в Догматической Конституции о Церкви II Ватиканского Собора и в Апостольском обращении Иоанна Павла II О призвании и миссии мирян в Церкви и в мире. Таким образом, Церковь в течение истории, а также и сегодня с великой заботой и рвением напоминает нам о покаянии как образе жизни христианина.

Для более четкого и логического анализа рассматриваемой автором темы, данная работа разделена на три части. В первой главе будет представлена общественная и религиозная среды эпохи святого Франциска, с целью указать в каких условиях, обстоятельствах появляется такая личность, как Франциск. Во второй главе автор попытается представить образ покаяния, существовавший у Серафического Отца и его братьев. Покаяние здесь указывается не только в свете таинственного характера, не только как определенные покаянные практики, в качестве воздаяния за грехи, но и как стиль жизни. В третьей, последней главе, автор попробует представить подход и трактовку покаяния как «за» и «против» Церкви. Покаяние и индульгенции, выступление Мартина Лютера, реакция Тридентского Собора и ситуация после него - вот те аспекты, которые автор попытается проанализировать в данной главе.

По мнению автора наиболее освящена данная проблема у таких авторов как Joseph Lortz, Raoul Manselli, Lazaro Iriarte. Многие другие авторы, чьи произведения используются в работе, тоже достаточно хорошо освящают определенные аспекты, затрагиваемые в данной работе. В качестве источников автор берет Истоки Францисканства, сборник трудов самого св. Франциска Ассизского и его жизнеописаний, сделанных его товарищами и последователями. Именно эта книга является основным источником для научных исследований духовности св. Франциска. Кроме Истоков Францисканства для освещения идей Лютера используется Книга согласия, содержащая вероисповедание и учение Лютеранской Церкви. В качестве дополнительной литературы автор использует в работе как отечественную, так и иностранную литературу. К сожалению, на данный момент, на родном языке литературы для полного освящения темы не достаточно, хотя главные источники присутствуют в переводе на отечественный язык. Используемая литература - это в основном работы последних лет, хотя небольшая их часть принадлежит изданиям начала XX века. Перевод всей литературы на иностранном языке, используемой в работе, осуществлен самим автором.

Ссылки на Св. Писание даются по Синодальному изданию Библии. Сокращения названий библейских книг соответствует брюссельскому изданию Библии на русском языке (изд. «Жизнь с Богом»).

Метод работы - описательный, анализирующий представленную тему на основе ближайших источников и позднейших исследований.

Глава I. Общественная и религиозная среда эпохи святого Франциска

1.1. Общее введение в социальное и религиозное положение Европы в эпоху святого Франциска

В Италии и тех районах Европы, которые имели возможность вести морскую торговлю, появляется новая сила, а именно община. Образует ее новый общественный класс ремесленников и купцов. Ее характеризуют совсем новые черты, такие как динамика, демократические тенденции, новая монетарная экономика, и, в конце концов, новые этические основы и новые религиозные требования. Несомненно, в связи с огромными изменениями в хозяйственной и политической сфере, жизнь становится намного более живой, подвижной; меняются и духовные потребности. Проявляется это в распространении национальных языков и использовании их даже в юридических документах. Gemelli говорит о том, что замена языка настолько имеет весомое значение, что она не происходит без изменений в культуре, а также, что национальный язык предвещает возникновение нового народа. Подобного мнения придерживается и Lazaro Iriarte, который говорит, что национальные языки являлись знаменами появления нового общества, новой культуры и которые начали вытеснять латинский язык из публичной жизни и из народной литературы.

«Община, выходя из иерархического феодального порядка, не имела больше столь тесной связи с монашескими орденами, с силой приносящей цивилизацию и евангелизацию средневековому европейскому обществу». Монашеские ордена в XII веке уже не исполняли своих исторических задач или, по крайней мере, не исполняли их достаточно хорошо. Их подвергали критике еретики, о некоторых из них автор будет вести разговор в своей работе чуть позже, но не только они. Их осуждали за способ жизни далеко не в настоящей бедности, а хватало и тех, кто обвинял их в отсутствии на поле душе пастырства. Можно встретить и информацию о том, что нередко люди иронизировали над созерцательной жизнью, называя монахов лодырями, дармоедами, людьми, живущими лишь за счет других. В конце концов, просветительская деятельность монахов, в особенности цистерцианцев все более и более ослабевала, а евангелизация среди еретиков, что особым образом видно на юге Франции и среди славян, принесла очень даже скромные результаты. «Церковь, благодаря монашеским орденам сделала многое: воспитала рыцарей и подданных, монастыри утешали творящих покаяние, обиженных и притесняемых». Но пришло время, когда этого всего уже было недостаточно, хотя бы потому, что монахи в основном находились в затворе. Нужно было, чтобы кто-то, выйдя к людям навстречу, с новой силой напомнил о присущем образе жизни для христианина - о жизни в покаянии. Хотя деятельность многих священников, монашествующих была прекрасной: все это на могло коренным образом изменить создавшейся неблагоприятной ситуации, проявлением которой стали многочисленные еретические движения распространявшиеся повсюду. Пользовались эти движения огромным успехом вследствие того, что входили в слои ремесленников и начинали свою деятельность с вопросов, которые людям были далеко не безразличны: осуждали священников, епископов, что достаточно часто оказывалось правдой. Выдавали себя за истинных последователей Христа, живя в бедности и целомудрии. Нужно вспомнить и о том, что в своем проповедовании Евангелия, они использовали национальные языки, в отличие от

латинского языка, используемого в Церкви. Некоторые из них провозглашали апокалиптические учения о скором пришествии антихриста, чем возбуждали волнения в народных массах. Во второй половине XII века Иоахим Флорский предсказал третью эпоху Духа, эпоху очищения Церкви. Таким и подобным учениям были подвержены люди в это время.

1.2. Катары

«Мир, в котором живет человек — плохой. Его сотворил ангел, который первым восстал против Бога». Такого мнения придерживалось одно из наиболее распространенных еретических движений в Северной и Средней Италии в XII веке, но действующее и в других регионах, называемое катарами. Учение, которое катары провозглашали, для нас сегодня может показаться в какой-то степени несостоятельным. Неожиданным может показаться и большой успех этого движения среди людей, живших в то время. Необходимо, конечно же, брать во внимание, что это происходило во времена Средневековья, и осознавать в каком нелегком положении находилась тогда Церковь. По мнению катаров, весь видимый и невидимый мир от века был разделен между Богом света (невидимый мир) и Богом тьмы (видимый мир). Люцифер полонил частицы светлого царства и держит их в темницах плоти, умножаемых путем полового сношения. Задача светлого Бога заключается в освобождении светлых частиц, против чего борется бог «мира сего», он же библейский Бог, посылающий своих пророков, главный из которых Моисей. Со своей стороны и светлый Бог просвещал людей и послал им высшего из своих ангелов и совершеннейшее свое творение - Христа, Который проникнув в мир через ухо Девы Марии, возвестил истину. Но тело Его было эфирным, лишь видимым: он не ел и не страдал. Интересно на тему учения катаров о воплощении Христа, говорит Raoul Manselli. Катары, придерживаясь мнения, что Иисус мнительным образом воплотился в ангела женского рода именем Мария и лишь видимым образом стал человеком, провозглашая спасение. Вторая доктрина катаров о Сотворении, достаточно умеренная по сравнению с первой, вышеупомянутой, говорит о том, что «Сатана является демиургом, придавшим форму временному материальному миру. Огонь, земля, вода и воздух существовали вечно, именно их Сатана разделил и нужным образом соединил, чтобы получился материальный мир».

Для того, чтобы спастись, по их учению, необходимо было соблюдать крайний аскетизм, что в какой-то степени и объясняло их успех, считая смертными грехами всякую собственность и всякое общение с грешниками, ложь, войну, убийство человека и животных, вкушение животной пищи (например, яиц, мяса, сыра). Принимать же в пищу разрешалось лишь то, что от воды и дерева, кроме размножающихся, по тогдашнему воззрению, неполовым путем рыб. Как видно, они стремились к строжайшей чистоте, живя всю жизнь в радикальном покаянии. На самом же деле, одного лишь строго аскетизма, по учению катаров, далеко недостаточно для спасения человека, необходим еще магический акт дарования Духа утешителя, на латинском языке *consolamentum*. Получивший его, тем самым становится спасенным или совершенным, но для этого, человеку необходимо было вести святую жизнь, ибо малейший грех лишал, по их учению, этих людей состояния святости или так называемого *consolamentum* - состояния спасенности. Для катаров получение *consolamentum* необходимо для получения спасения; без него спасения быть не может. Необходимо заметить, что некоторые авторы, такие как Осокин и Красавин в своих статьях о катарах, говорят о том, что из учения о *consolamentum* вытекали важные последствия: опасность и страх перед падением после его получения, приводила порой к голодной смерти. Сравнивая выше приведенное мнение с мнением Herve Masson, автор данной письменной работы нашел между ними определенное разногласие. Masson, в отличие от других авторов, придерживается мнения, что обвинение катаров в склонности к самоубийствам

является бесосновательным. Продолжая свою мысль, он говорит о том, что на этот счет существуют разные мнения и если верить некоторым авторам, то *endura*: голодная смерть после принятия *consolamentum*, была повсеместно распространена, а, по мнению других, она была явлением исключительным. Отказываясь от несовершенного и плохого земного мира, перфект катаров искал освобождения через смерть, а чтобы она поскорее наступила, он полностью отказывался от еды, а принимал лишь небольшое количество воды, до тех пор пока не освобождался от уз телесных. С полной уверенностью можно сказать, что единого мнения на счет этой строгой практики не существует. *Endura*, в форме голодной смерти, была наиболее распространенной, но существовали и другие формы, такие как, например: принимали яд, ели стекло, разбитое на мелкие кусочки, вскрывали себе вены или бросались в пропасть). Смерть, принятая на костре, тоже считалась подтверждением совершенства. Взяв во внимание все эти условия, можно без особого труда понять, почему последователи учения катаров откладывали принятие *consolamentum* до последней минуты своей жизни. В связи с трудностью жизни перфекта и откладыванием принятия *consolamentum* на последний этап жизни, появилось соглашение между верующим и перфектом, что последний даст первому *consolamentum* перед смертью - это явление называлось *Convenenza*. *Herve Masson* говорит об интересной вещи, касающейся нравственной жизни катаров: «Все до одного противники этого движения сходились в одном: члены этой секты, по крайней мере перфекты, вели образцовый образ жизни, благодаря чему сильно отличались от верующих католиков. Не были ни ворами, ни пьяницами ни прилюбодеями, что нельзя сказать о верующих того времени? Католической Церкви. Нельзя им было приносить присяг, а свои нужды они ограничивали до минимума».

Что касается самого культа, который катары осуществляли, можно сказать, что он отличался большой простотой. В их общих молитвах отразились ранние культовые обычаи. Главными актами культа были: молитва *Отче наш*, благословение перфектами хлеба, получающего от этого магическую силу, «во сто раз более действенную, чем гостия», ежемесячная исповедь и, самое главное, торжественное совершение *consolamentum*, о чем автор упоминал уже выше.

Удивляет факт популярности и повсеместности распространения учения катаров. Распространялось оно во всех слоях населения; сначала в большей мере среди знати и ремесленников, а позже и в низших классах. Их учение было всегда связано с политической борьбой и повседневной жизнью. Несомненно, нужно помнить, что аскетизм их жизни вызывал уважение и тем самым притягивали людей, тем более, что свое учение катары всегда провозглашали исключительно и только на национальном языке и с помощью простых слов, а значит понятным способом для всех. Ко всему этому нужно еще добавить и то, что происходил процесс постепенного и все более конкретного введения в учение, что также благоприятствовало убеждению, что именно учение катаров является истинным, абсолютным и не подвергающимся никакому сомнению.

На основе доступной литературы, можно заметить, что популярность и быстрое распространение учения катаров среди всех слоев населения произошло благодаря тому, что богатые и влиятельные люди часто им способствовали. Важный вклад в их развитие внесло местное население, которое зачастую не только соглашалось на спокойное и свободное распространение новых учений (верований), но даже помогало и защищало их миссионеров. Интересный факт замечает *Manselli*, говоря о том, что достаточно частыми случаями было, что католические священники позволяли, или, по крайней мере, не делали ничего, чтобы остановить распространение этого еретического учения".

Церковь далеко не сразу осознала ту огромную опасность, которую несло учение катаров. Простота их учения, скорее привела к тому, что церковная иерархия недооценивала силы и влияния этого еретического движения на людей. Лишь со временем папа и епископы поняли всю опасность учения катаров. Когда же опасность была осознана, Церковь заняла соответствующую позицию по отношению к катарам. Чуть позже огромную роль в борьбе

с ними, сыграл святой Франциск. Он, подобно катарам, выбрал свой жизненный путь в покаянии, с той лишь разницей, что он все делал во благо Церкви и в защиту Ее таинств, а не наоборот. Во второй половине XII века Церковь решила искать помощь у светской политической власти. Со времен Иннокентия III начинается энергичная борьба с ними Церкви, сначала путем проповеди (Доминик), потом крестового похода, поводом к которому дало убийство папского легата Пьера Кастельно (1208 г.). Хотя это были конкретные и решительные шаги по борьбе с катарами, далеко не сразу удалось приостановить и уменьшить распространение этого еретического движения.

1.3. Вальденсы

Исходный толчок движению вальденсов дал Вальдес или Вальд (Valdus, Valdesius, Valdexius, Valdensis, Gualdensis), лионский купец, женатый, отец двух дочерей, охваченный раскаянием и пораженный чтением Евангелия, раздавший свое имущество нищим. После чего начавший жить буквально по евангельскому учению⁴⁰. Автор заметил, что Raoul Manselli в отличие от Herve Masson, преподносит в качестве основной причины обращения купца - осознание того, что его ремесло ведет к вечному осуждению. Кроме того, огромное впечатление, оставшееся после прочтения славного жития св. Алексия. Herve Masson же в качестве основного повода обращения Вальда, говорит о смерти одного из купцов, близкого друга Вальда. У всех же вышеперечисленных авторов можно найти общий пункт, заключающийся в том, что после своего обращения он решил раздать свое имение бедным и вернуться к простой жизни, таким образом подражая жизни Иисуса и Апостолов и полностью посвятить себя проповеднической деятельности. Своим личным примером и словами он старался улучшить жизнь других, призывая их к покаянию. Вальд, как и собравшиеся вокруг него ученики, посвящали много усилий и времени глубокому изучению Святого Писания, а также заботились о переводе его на народный язык. Знакомство с Евангелием дало Вальду принципиальное обоснование его проповеднической деятельности и возможность сопоставлять себя с Апостолами и свою деятельность с деятельностью учеников Христа. Не трудно заметить, что образ жизни Вальда до обращения и в первое время после него, практически идентичен образу жизни святого Франциска.

Несмотря на то, что Вальд и его ученики считали себя верными последователями Католической Церкви, они пришли к столкновению с клиром, расхождение которого с евангельским духом они видели очень ясно. Клир же со своей стороны был недоволен пользующимися популярностью и не совсем доброжелательно к нему настроенными вальденсами. До тех пор, пока вальденсы провозглашали лишь бедность, никто не считал их еретиками, враги обвиняли их лишь в праздности жизни, а духовенство Лиона и окрестностей, замечало первоначально в них лишь стремление к святости. Проблемы начались лишь тогда, когда вальденсы решили самостоятельно, без епископского разрешения проповедовать Евангелие. Исследуя доступную автору литературу, автор пришел к мнению, что в спорах с вальденсами духовенство тоже не всегда было право. После запрещения епископами проповеднической деятельности вальденсам, папа Луций III в 1184 году подтвердил решение лионских епископов и подверг экскоммуникации Вальда. Вальд, обвиненный в ереси, публично произнес исповедание веры, что означало его отказ от своих заблуждений. В документе, сохранившемся до наших времен, где и находится это исповедание веры, есть признание права для Вальда вести жизнь согласно Евангелию, как в рамках, обязующих всех мирян, так и в нормах предназначенных для тех, кто желает достичь еще большего совершенства. Несмотря на все это, в скором времени появились опять конфликты с архиепископом, после которых Вальд решил окончательно порвать с церковной иерархией. Первые серьезные проблемы развития данного движения, начинаются именно с того момента, когда они выступают против Церкви. Таким образом,

постепенно формировались скорее позиции, отношения, чем органическая система идей, которой дали название - ересь вальденсов. Их девизом стали слова: «Возвращение к бедной Церкви апостольских времен». Нужно сказать, что Церковь боролась с вальденсами не только используя силу, но, прежде всего, пыталась убедить их словом. С ними спорили католические проповедники во время диспутов; писали специальные трактаты, указывая в них ошибочность учения вальденсов. Наиболее же интересным и наверно эффективным способом борьбы Церкви против этого еретического движения – стремление превратить уже обращенных вальденсов в борцов с их прежними собратьями. Отлучение от Церкви не принесло ожидаемых плодов, т.к. вальденсы не только остались апостолами, а еще глубже и строже поняли свое апостольство, представляя собой братство, оставивших семьи и мир, нищих странников, живущих подаянием. Они считали, что духовенство само себя исключило возможности совершения Божественных тайн, когда приняло в свою собственность материальные блага, то есть со времен Константина Великого. После же распространения и утверждения такого мнения среди членов этого движения, они начали сами преподавать таинства, не желая их принимать от рукоположенных священников. Они также считали, что в таинстве Евхаристии пресуществление происходит только лишь в устах того, кто принимает Причастие. Насчет этого таинства среди вальденсов образовались две позиции. Одна - склонность отрицать действительность Евхаристии, совершаемой грешным клириком, и в связи с этим организовать вальденскую евхаристию для «верующих». Другая стремилась сделать совершаемую клириками Евхаристию, приемлемой для верующих вальденсов, путем теоретического разъединения совершителя таинства и самого таинства. Во всяком случае, изредка сами вальденсы совершают евхаристию для себя, воспроизводя Тайную вечерю и таким образом подчеркивая свое апостольство. К участию в этой евхаристии могли допускаться и «верующие». Что касается других религиозных практик, то члены этого движения сами крестили, исповедовали и преподавали отпущение грехов, передавали дар Святого Духа через возложение рук, не признавая исключительности епископов в преподании таинства священства. Кроме всего этого, осуждали всякий брак, который не имел лишь цели в продолжении человеческого рода, а также не признавали культ святых, ложь, смертную казнь, храмы, молитвы за усопших, чистилище, принесение присяг, церковные заповеди, которые не были основаны на Святом Писании, участия в войнах, владение землей. Отсюда видно, насколько данное движение первоначально побуждаемое благими идеями изменить появившуюся непростую ситуацию Церкви, после того, как выступили против Нее, все более и более удалялось от истины.

Вальденсы не признавались к ошибкам, которые им указывали другие. Обвиняли их, прежде всего, в обмане, потому что они принимали участие в католических собраниях и принимали из рук рукоположенных священников таинства, которые в душе они не признавали; таким образом они не следовали до конца своим убеждениям. Эта практика позволила им избежать преследований в первое время, пока их движение не было еще многочисленным.

Внутри вальденского братства со временем возникают ограниченные территории перемещения отдельных групп, благодаря чему, завязываются тесные отношения между ними и местными группами вальденсов, для которых устраиваются специальные школы, гимназии, которые тянут к себе перфектов. В связи с этой особенностью развития данного движения, местные учения оставляют свои отпечатки на учении первичного братства. Все это и послужило причинами к отделению различных ветвей от основного ствола вальденсов. Так, например, около 1185 года от основного ствола отделились сперонисты, руководимые Уго Спероном, чуть позже в 1205 году произошли веские разногласия между ломбардскими и французскими вальденсами. Заслуживающим внимания является тот факт, что уже в 1208 году часть французских вальденсов во главе с Дурандом де Оска вернулась в лоно Католической Церкви и превратилась в католических бедняков. В 1210

году их примеру последовала руководимая Бернардом (Bernardus Primus) группа ломбардских вальденсов.

Интересным является и тот факт, что практикуемая вальденсами жизнь в нищете, предшествовала несколько десятков лет нищенствующим орденам, разрешенным Церковью. Одним из наиболее известных таких орденов является Орден, основанный святым Франциском. Некоторые наиболее присущие характеристики данного Ордена, конечно же, в рамках заданной темы, автор попытается представить чуть позже. Благодаря тому, что учение вальденсов находилось лишь в стадии развития и часто поддавалось влиянию местных традиций; в это течение проникли люди, считавшие, что скорее труд, чем бедность и нищета полезен и необходим для спасения человека. Назвали они себя *roverì lombardi* (нищие ломбардийцы).

Среди этих движений находится типично ломбардское движение гумилиатов, занимавшихся изготовлением тканей, которые объединялись в общины не только для облегчения и развития своего ремесла, но, прежде всего для освящения своей работы. Соединялись в общины, как целые семьи, так и отдельные люди, участвуя совместно в молитвах и преподавая, друг другу благопристойные поучения. У известного испанского профессора Lazaro Iriarte автор нашел пояснения, касающиеся структуры общин гумилиатов: «Они делились на три группы: группа мужчин и женщин, остающихся в своих домах; группа мужчин и женщин, ведущих совместную жизнь, сохраняя при этом свое гражданское положение; третья группа, в которую входили как миряне, так и духовные лица, ведущие совместную жизнь и образующие, таким образом, настоящий орден». Деньги же всей общины хранились в общей кассе, таким образом, они стремились подражать первой христианской общине в Иерусалиме.

Гумилиатов достаточно быстро удалось вернуть Церкви; их общины труда стали общинами в буквальном смысле этого слова, где в начале миряне иерархическим способом управляли общинами, а священники занимались попечительством этих людей лишь в духовном плане, преподавая им таинства. Такая ситуация продолжалась до XIII века, пока папа Иннокентий III не преобразовал эти общины в своего рода орден, имеющий собственную структуру.

Что касается вальденского движения в целом, то IV Латеранский Собор его осудил, подобно как и альбигойцев. Вполне возможно, и такого мнения придерживается Негве Masson, что их оставили бы в покое, если бы они к своему несчастью не решили помочь альбигойцам. Подобно которым, их обвинили в ереси, и они, то есть вальденсы, стали объектом подобных преследований.

В конце этой главы, можно определенно сказать, что ситуация сформировавшаяся в Европе в эпоху святого Франциска была непростой. С одной стороны динамические изменения в социальном, экономическом плане, с другой, ослабление влияния на общество монашеских орденов, сыгравших в свое время огромную роль в христианизации народов. Церковь оказалась в тяжелой ситуации: нравственная жизнь церковных служителей, требующая улучшения, распространение многих еретических движений, подтачивающих Церковь как извне, так и изнутри. «Под конец XII века христианские народы, чувствовали великую необходимость в двух вещах: точного приспособления жизни по Евангелию и христианской оценки форм жизни, в особенности характерной для современной культуры способа жизни - деятельности». Тогда-то Господь и послал святого Франциска.

Глава II. Образ покаяния у святого Франциска и его братьев

2.1. Осознанность и восприятие своей греховности святым Франциском

Святыми не рождаются, а становятся. Эта пословица соответствует теме данного пункта. Она указывает на то, что пока человек дойдет до вершин совершенства, ему необходимо пройти тяжелый путь обращения, путь постоянного перехода от состояния греха к состоянию благодати. Этот путь подразумевает осознание человеком своего несовершенства, своей слабости и бессилия пред Богом, Который Свят. Можно сказать, что начальным этапом этого пути является признание человеком своей собственной греховности, истинное определение: я грешник.

Точно такие слова можно услышать из уст святого Франциска, который, возвращаясь к годам своей молодости, говорил: «Пока я был во грехах». Несомненно, такие слова из уст человека столь святого нас удивляют, поэтому анализ темы данного пункта в Истоках францисканства начнется с осмысления того, что данные слова обозначают и что имеет в виду Франциск, когда говорит о грехах своей молодости. Первое житие Святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским дает нам образ обращения Франциска, опираясь на средневековую основу контрастов. «От самого младенчества своего был он родителями воспитан бессмысленно, по правилам суеты века сего, и долго подражал их достойной сожаления жизни и обычаям, и даже превзошел их в суете и несмыслии». Таким образом Фома показывает несовершенство современных той эпохи родителей, подобно как и родителей Святого, показывая таким образом, что из дурного корня вырастает наихудшее дерево. Действительно, в дальнейшем описании поведения отроков автор Жития замечает: «Предаются распущенности всякого рода настолько, что считают дозволенным совершать все, что взбредет им в голову и со всем усердием стремятся к позору и бесчестию. Так, в добровольном услужении становятся они рабами греха, предавая все члены свои в орудие неправды, не обнаруживая никакого следа христианской веры ни в жизни своей, ни в обычаях, тщеславясь одним лишь пустым именем христианства». Несомненно, может возникнуть вопрос: «Но что святой Франциск имел общего со всем этим?». Ответ на него опять можно встретить у Фомы Челанского, который говорит, что Франциск преуспевал в жалкой суете более многих сверстников в роде его и был ревнителем зла и подражателем глупости, чрезвычайно превосходя всех остальных.

«И вот когда этот человек, так автор называет Франциска, пылал юношеским жаром, устремлявшим его ко греху, и возраст его похоти побуждал его к исполнению желаний, якобы по праву принадлежащих юности, и, не умея смирить себя, он впитывал в себя яд древнего змея, постигло его внезапно отмщение Господне, которое вернее было бы назвать избранничеством, в виде болезни. Во время болезни Франциск имел много времени для того, чтобы задуматься над смыслом своей жизни, приходя к выводу о необходимости ее перемены». «Когда же он выздоровел, то забыл все свои размышления и переживания во время болезни, ибо очищение произошло не во всей полноте и необратимости, поскольку он не был еще освобожден от силков суетности, не воспротивился и не сверг еще иго противоестественного услужения с выи своей».

Образ человека пропитанного грехами, который указал Фома Челанский в Первом житии, меняется во втором, написанном тем же автором. Здесь нет уже описаний о распущенной жизни Франциска; здесь он уже представлен скорее как хорошо воспитанный горожанин Ассизи: «Его ценили за некоторые весьма добрые наклонности. Он удалялся всего, что могло звучать оскорблением ближнему, и, обладая нежной душой, он не казался сыном тех, кто назывался его родителями».

Еще совсем другой образ юности Франциска показывает святой Бонавентура. Он показывает Франциска как человека живущего среди многих богатств и развлечений мира сего, но, несмотря на все это он не поддается им, хотя они для него, несомненно,

привлекательны. Похожий, но в намного более широком спектре, образ Франциска в юности, указывает Легенда трех спутников. Почему? Потому что по сравнению с другими свидетельствами, она более обширно говорит о социальной атмосфере, царившей в то время в Ассизи. Хотя это совсем не значит, что нужно отбросить драматический образ, указываемый Фомой Челанским. Просто нужно брать во внимание то, что он писал согласно нормам и требованиям современной ему литературы, согласно духу своего времени. Обращение особого внимания Фомой на греховность Франциска, носило цель показать как велико и огромно Божье Милосердие и за одно чудесное вмешательство Господа в жизнь юноши.

Но каким был и как себя вел святой Франциск согласно Легенде трех спутников? Был зрелым молодым человеком, хорошо разбиравшимся в купеческом деле подобно своему отцу, при чем был по своей природе более веселым, чем отец. Щедро тратил деньги для веселья друзей. «Не только на забавы и пиры проматывал он деньги, но и в нарядах не знал никакой меры. Он заказывал себе самые пышные одеяния, не подобающие его происхождению, и ища, чем бы отличиться, велел сшивать вместе, в одном наряде, самые дорогие ткани и грубое сукно» При всем этом он был благороден, как в поведении, так и в разговорах, был честным и вежливым.

Из выше представленного описания никак нельзя сделать вывод о том, что Франциск вел греховный образ жизни. Такой же позиции придерживаются Joseph Lortz и Walter Nigg в своем труде, касающемся жизни и деятельности святого Франциска. По их мнению нельзя с уверенностью определить, что до своего обращения Франциск вел грешный образ жизни. Ни высказывания его самого, ни замечания Фомы Челанского не являются достаточными, чтобы доказать это. Тогда возникает вопрос, что он имел в виду, когда повторял «пока я был во грехах»? На этот вопрос дает нам ответ Manselli, утверждая, что Франциск имел в виду не какие-то конкретные нарушения Божьих и Церковных заповедей, хотя они присутствуют у каждого, но то, что Франциск прожил свои юные годы среди благ и радостей мира сего. Будучи юношей, он жил так, как будто Христа вообще не было; жил по плоти, а не по духу и, следовательно, вел греховный образ жизни. Такая оценка была типичной для средневекового человека, который любил представлять вещи очень контрастно и вместе с тем занимая позицию максималиста. Нужно помнить, что он был человеком, который непосредственно сразу после своего обращения достиг вершин мистического единения с Богом. С этой позиции становится ясно и понятно, почему годы его юности, проведенные в праздности и расточительстве казались ему настолько тяжкими преступлениями. Понятно, что такие воспоминания не могли нравиться человеку, который под воздействием Божьей благодати оставил все ради Царства Небесного.

Продолжая размышления над словами Франциска «пока я был во грехах», можно заключить, что Франциск произнося их, считает проблему греха уже закрытой.

Используемое здесь слово «пока» наталкивает нас на мысль, что высказывающий его, живет уже без греха. Но можно ли позволить себе такую интерпретацию? Ответ опять же мы можем найти в Истоках Францисканства.

Не раз на картах Истоков Францисканства можно встретить Франциска, который проливал слезы, смотря на свое прошлое. Так, например, Фома Челанский говорит, что «едва Франциск всецело обратился душой к делам Божиим, решил насколько ему было под силу воздать возмещение, например, помогая обветшавшей церквушке, возведенной в честь святого Дамиана». Не переставал омыwać слезами очи духа, даже когда достиг прекрасную чистоту сердца и тела, не обращая внимания на то, что его телесным очам причиняется вред. «Он предпочел лишиться телесного зрения, нежели повредить своему духу и в ущерб благочестию отказаться от слез, которые его глаза изнутри, дабы он сподобился видеть Господа».

Франциск осознавал и понимал, что человек сотворен по Образу и Подобию Божию, однако через непослушание отвернулся от своего Творца, неся в себе последствия

первородного греха. Среди всех людей он считал себя самым великим грешником, о чем не раз свидетельствуют Истоки Францисканства. Во всех случаях, когда его люди хвалили или спрашивали братья кем он себя считает, он давал один и тот же ответ: «Считаю себя самым великим грешником на земле». Слова эти он всегда произносил с искренностью и огромным смирением, замечая, что если бы все те дары благодати получил бы кто-нибудь другой, то наверняка намного лучше его сумел бы их использовать. «Часто он обращался к своим братьям, что никто не должен тешить себя несправедливой похвалой теми делами, которые и грешник мог бы сделать» Поэтому он постоянно повторял, что грех является тем, чего нужно стыдиться и даже ненавидеть, так как он уменьшает достоинство человека сотворенного по Образу и Подобию Божию. Для того, чтобы не потерять этого достоинства, Франциск призывал избегать всего, что ведет непосредственно ко греху.

2.1.1. Исповедание грехов Франциском

Франциска исполненного сожаления и покаяния описывает Фома Челанский.

Серафический Отец прекрасно осознавал, что всякое спасение и искупление исходит от Господа. Именно поэтому, кроме смирения и сожаления, сердце Франциска было преисполнено благодарности Богу за полученные дары. Спасение пришло как дар, как благодать через Иисуса Христа.

Он осознавал, что прощение грехов даровано Христом человеку в качестве благодати и доступно постоянно в таинстве исповеди. Понимал он и то, что это таинство для всех, кто к нему приступает также является великим даром Божиим. Поэтому Франциск призывает своих братьев и всех верующих, к постоянному благодарению, которое выражается в истинном обращении. Говоря о покаянии, как великом и драгоценном даре, Франциск постоянно подчеркивал благодарение, о котором ни в коем случае нельзя забывать, предупреждая тем, что в случае его отсутствия человек может быть подвержен наказанию со стороны Бога. Так, например, в Правиле не утвержденном буллой, Серафический Отец называет блаженными тех, кто умирает в раскаянии. И наоборот, говорит о великом несчастье тех, кто умирает без покаяния.

В скором времени после обращения, Франциск был заверен Святым Духом о прощении всех его грехов. Однако, не значило это, что он сразу же после этого стал человеком совершенным и совсем перестал грешить. Он оставался человеком со своими слабостями, что требовало от него неустанного бодрствования над совестью, и в ее угрызениях он исповедовался во время таинства исповеди. В Истоках Францисканства можно встретить не мало упоминаний об исповедании грехов Франциском. Свои слова, касающиеся покаяния Франциск направлял особым образом к своим братьям, но не только, не забывал и о мирянах.

Типичным примером не сакраментального исповедания своих грехов святым Франциском является его покаяние во грехе снисходительности к своему телу. Об этом свидетельствует святой Бонавентура, рассказывая нам о том, как Франциск во время болезни несколько ослабил суровость своего воздержания ради того, чтобы вернуть себе здоровье. После же болезни, он обратил упрек к собственной плоти, созвав народ, рассказал о соделанном снисхождении для своей плоти, творя таким образом покаяние. Чтобы со всей откровенностью показать презрение к себе и подать другим пример истинного обращения, он не стыдился перед всеми исповедовать любое свое упущение в отношении другого человека. «Даже если всего-навсего дурной мыслью он повредил другому человеку или по какой-либо другой причине произнес слишком резкое слово, он немедленно исповедовал свой грех перед тем самым человеком, которого он обидел словом или помышлением, и смиренно просил у него прощения».

С не меньшим рвением он исповедовал чувство тщеславия, которое иногда овладевало его душой. Примером того, как Франциск обвинял себя в тщеславии, может послужить случай произошедший с ним и старушкой, просившей у него милостыню. У него не было ничего кроме плаща, который он с великодушием отдал ей. «Но заметив, что в его душу стало

проникать чувство пустого самодовольства, он тут же перед всеми исповедовался в испытанном тщеславии».

Незадолго до смерти, разговаривая с одним из братьев, Франциск признался в том, что его тело было послушным ему во всем, ни в чем не берегло себя, но бегом устремлялось выполнять всякое повеление. «Оно не избегало никакого труда, не отказывалось ни от какой жертвы, лишь бы имело возможность проявить послушание. Он и его тело были безоговорочно согласны служить Иисусу Христу» . Франциск постоянно стремился уподобиться и во всем подражать Христу, к чему и призывал всех остальных. Так, например, в одном из своих наставлений призывает своих братьев поразмышлять о добром Пастыре, который ради своих овец принял крестную муку. Он всем сердцем желал, чтобы братья «последовали за Господом в мучениях и гонениях, страхе и голоде, немощах и искушениях и во всем прочем другом; и за это получили от Бога жизнь вечную». Когда же услышал это брат, укорил Франциска в недостатке великодушия, сострадания и высшей рассудительности: «Разве такова благодарность верным друзьям: принимать от них благодеяния и не воздавать им в нужде? Какую службу сослужил ты до сих пор Господу твоему Христу без помощи тела?» . Франциск осознал, что словами данного брата обращается к нему Господь и поэтому обратившись к своему телу, стал говорить ему: «Возрадуйся, брат тело, и прости меня, вот я готов теперь исполнить твои желания, я охотно выслушаю твои жалобы» .

Достоинными внимания являются и многие другие эпизоды, находящиеся в Истоках Францисканства, кажущиеся на первый взгляд совсем несущественными, но благодаря которым можно увидеть и понять с какой великой заботой и усердием Франциск подходил к исповеданию даже самого малейшего греха. Например, один из таких эпизодов мы встречаем в Легенде трех спутников. «Однажды, во время одного сбора милостыни, Франциск, увидев людей веселящихся и развлекающихся, постеснявшись попросить у них пожертвований для храма, удалился». «Однако, подумав, он укорил себя и вернулся, признав перед всеми, что постыдился попросить милостыню из человекоугодия». Сбор милостыни для Франциска и для братьев было тоже определенной покаянной практикой, так как это требовало великого смирения и в определенном смысле даже унижения. То, что это было сделать совсем нелегко, свидетельствует выше приведенное упоминание. Исходя из этого, неудивительными кажутся слова Франциска, обращенные к братьям с призывом не стыдиться просить милостыню . При чем нужно заметить, что во время сбора милостыни, братья ни в коем случае не должны принимать денег, за исключением такой необходимости для больных братьев. Поэтому «всякий брат, где бы ни был он и куда бы ни шел, пусть не берет, не принимает и не велит принимать никаких денег ни для покупки одежды или книг, ни в уплату за какой-либо труд, ни для какой надобности, а только из-за явной нужды больных братьев, ибо мы не должны в деньгах видеть и полагать большую ценность, чем в камнях». Если же кто из братьев совершал противное этому наказу святого отца, то как и за любой другой грех, должен был совершить покаяние.

Франциск до такой степени бодрствовал над своей совестью, что малейшие ее угрызения были всегда замечаемы святым мужем. Порой он каялся во всех плохих вещах: мыслях, словах, поступках в присутствии своих братьев. Несомненно, такое поведение основателя Ордена не могло быть незамеченным и оцененным должным образом последователями Серафического Отца.

Истоки Францисканства упоминают несколько фактов, говорящих о покаянии, носящего сакраментальный характер. Прежде всего, это касалось всяческих внутренних тревог или фантазий во время молитв, которые Франциск считал тяжким грехом. «Если же случалось ему отвлечься, он неизменно исповедовался в этом прегрешении и не успокаивался, пока не получал за него отпущение».

На основе Истоков Францисканства не легко определить с какой частотой Франциск исповедовался. Наверняка можно сказать, что как только он чувствовал малейшие

угрызения совести, сразу же приступал к этому таинству. Ориентиром здесь может быть и то, что Франциск испытывал огромное почитание к таинству святой Евхаристии. «Он причащался всегда, когда только было возможно, и с таким благочестием, что побуждал к причастию и других, видевших, как он, вкусив сладчайшего Тела Агнца беспорочного, опьяняется духом и возносится ввысь разумом».

2.1.2. Исповедание грехов братьями святого Франциска

Размышляя над темой данного пункта, необходимо заметить, что существует разделение в Истоках Францисканства на исповедание грехов, носящее непосредственно сакраментальный характер, и на исповедание непосредственно с таинством не связанное, но которое из него вытекает.

Примером в этом нам может послужить описание Фомой Челанским эпизода, когда братья Франциска вместе с ним отправлялись по двое в разные стороны света, чтобы возвещать о Царстве Божиим, а также провозглашать покаяние во отпущение грехов. После же того, как по возвращении они все собрались вместе. Они припомнили все то благо, которое ниспослал им Господь и если кому-нибудь из них казалось, что был в чем-то небрежен или неблагодарен, он немедленно просил у отца прощение и с любовью принимал всякое наставление и покаяние. «Сладко им было думать, что так они будут жить всегда, возвращаясь к нему, не скрывая от него ни малейшего помышления, ни легчайшего движения души, исполняя все, поведенное им и называя себя рабами, ничего не стоящими». Не менее знаменательными были случаи, когда происходило так, что один из братьев сделал больно другому брату и, сожалея о соделанном, не только исповедовал свою провинность, но и принимал определенное покаяние за соделанное зло.

Святой Франциск был всегда очень рад, когда слышал, что братья соблюдают Правило и бодрствуют над своей совестью, даже под угрозой смерти. Здесь хорошим примером в подтверждение данных слов может быть рассказ об одном из братьев, схваченном сарацинами: «Когда сарацины влекли его на мучение, он стал на колени и, кончиками пальцев держа Правило, сказал своему товарищу: «Дражайший брат, я обвиняю себя перед лицом Божественного величия и перед тобой во всех допущенных мною нарушениях этого святого Правила». За краткой исповедью последовал удар меча».

Однако, далеко не всегда на страницах Истоков Францисканства можно встретить описания столь героического поведения братьев. Не раз братья признавались в каком-то плохом поступке, мысли, слове, лишь после того, как Франциск сделал им замечание.

Примером этого нам может послужить один из случаев произошедших со святым Франциском и братом Леонардом. Когда они вместе путешествовали и были очень уставшими, «Франциск, изнемогая от усталости и болезни сел на осла. Брат Леонард же поддавшись человеческой усталости, начал в мыслях осуждать Франциска за то, что Франциск едет верхом, а ему необходимо идти пешком и вести под уздцы осла. Едва он успел подумать таким образом, как Франциск слез с осла и предложил брату Леонарду ехать верхом. Он замер, а затем, залившись краской стыда и видя, что он изобличен, бросился к ногам отца, орошая их слезами и, исповедовавшись в дурном помышлении, просил у него прощения и милости».

Очень известна забота Франциска о чистоте храмов и, прежде всего о том, чтобы вся церковная утварь содержалась в чистом и достойном для нее месте. Примером того, как братья исповедовали свой грех пред своим отцом, является случай произошедший со святыми мощами. «Однажды, когда Франциск молился в одной из заброшенных церквей, он познал духом, что там покоятся святые мощи, лишённые должного почитания. Он поручил братьям перенести их в место достойное для них. Братья же забыв о просьбе Франциска, не выполнили его желания. В один же из великих праздников к своему великому изумлению они заметили то, что мощи находятся в месте, куда их нужно было перенести. После того, как Франциск поинтересовался у них,

выполнили ли они его просьбу, они, не утаив истины, смиренно исповедали свой грех и получили не только наказание, но и прощение».

«В другой раз случилось так, что в присутствии Франциска один из братьев обругал нищего, требующего милостыни. Услышав это, святой Франциск, отец нищих, очень рассердился и жестоко упрекал брата, произнесшего такие слова, и приказал ему, обнажившись, пасть к ногам этого нищего и лобызая его ноги, просить у него прощения, то есть соделать необходимое покаяние».

На первый взгляд, может нас удивлять образ Франциска - сурового судьи, наблюдающего за братьями и замечающего их слабости. Так, Фома Челанский, говорит, что «не в обычае у Франциска было поощрять чужую вину и благословлять людей на жизнь греховную, но нападал он всегда с неизменной суровостью». Данные слова не являются обвинительными по отношению к Франциску. Ведь в другом месте Фома Челанский приводит мотивацию его действий. «В другой раз, когда викарий собрал капитул, Франциск заметил, что один из братьев облекшись в платье непослушания, начал противиться викарию. Франциск отправив одного из братьев, чтобы он сказал непослушному брату подставить свою выю спасительному ярму послушания. И едва посредник возвестил ему эти слова, как брат немедленно обратился к Богу и смиренно попросил прощения у ног викария» В этом случае согрешивший брат признает свою вину перед викарием, о котором мы ничего не знаем, но нельзя исключить того, что он был священником.

Определенным затруднением для правильной интерпретации могут быть слова, произнесенные Франциском, и напоминающие формулу отпущения грехов. Когда Франциск находился в Сиене, он встретился с одним из братьев, которому с помощью благочестивого обмана удалось увидеть стигматы святого мужа. Франциск же позже поняв, что соделал этот брат, сказал брату Пацифику, который все это устроил: «Да простит тебя Господь». Не меньшее удивление может возникать от слов Франциска, сказанных одному из братьев, которого святой отец отличал особой любовью. «Братьям же моим, как присутствующим, так и отсутствующим, отпускаю все их вины и проступки, разрешаю их от греха, насколько мне по силам». Ни приведенные слова, ни поведение кающегося не указывают и не свидетельствуют о сакраментальном характере исповедания своих проступков перед Франциском. Они указывают лишь на то, какое огромное доверие они имели к своему Отцу, а также уверенность, что его заступничество и молитва окажут им огромную помощь. Не подлежит малейшему сомнению и то, что братья, просящие прощение, просят как те, которые обещали ему жить определенным образом и нарушили это обещание. Просят о прощении человека по отношению к которому поступили несоответствующим образом, исповедуя ему это. Такое исповедание может иметь свой источник именно в примере Святого Франциска, который он давал своим братьям, публично исповедуясь пред ними или перед мирянами.

Не сакраментальная исповедь является определенным решением, которое Франциск предлагал братьям, в случае невозможности исповеди перед священнослужителем. В Правиле не утвержденном буллой, Франциск призывает братьев, чтобы после не сакраментальной исповеди не останавливались на этом, но при первой же возможности обращались к священнику для исповеди, носящей характер таинства. Также он дает им ориентиры в выборе исповедника. «Пусть братья мои благословенные, как клирики, так и миряне, исповедуют свои грехи священникам нашего Ордена, а если нет такой возможности, пусть исповедуются другим разумным и правоверным священникам, и пусть знают и твердо помнят, что, от какого бы священника ни получили епитимью и отпущение грехов, они, вне всякого сомненья, будут разрешены от этих грехов, если только постараются смиренно и честно исполнить наложенное на них покаяние». Такое подтверждение Франциска о важном отпущении грехов при выполнении необходимых условий, порой было очень необходимым, потому что в то время среди народа распространялись мнения о том, что священник живущий во грехах не может важным и действенным образом преподнести отпущение грехов кающемуся. О том кто и каким

образом распространял идеи такого типа, автор говорил в своей работе немного раньше, в первой главе, касающейся наиболее известных и распространенных еретических движений эпохи святого Франциска. В связи с распространением таких мнений, священников ведущих неподобающий образ жизни обычно обходили стороной. Призывали не участвовать в богослужениях и всяческих литургических действиях, совершаемых такими священниками. Франциск же ни коим образом не мог согласиться с этим. В Истоках Францисканства не раз можно встретить упоминания и призывы Франциска к тому, чтобы братья и миряне с уважением и послушанием относились к священнослужителям и всей иерархии Церкви. Наиболее известное высказывание святого Франциска, касающееся почитания священников находится во Втором Житии Фомы Челанского, который приводит слова святого: «Если бы мне случилось встретить одновременно святого, пришедшего с небес, и бедного священника, я с начала приветствовал бы священника и побежал бы поцеловать ему руку. В самом деле, я бы сказал: «О! Подожди святой Лаврентий, ибо руки этого человека касаются Глагола жизни и обладают сверхчеловеческой властью»» То, что Франциск постоянно повторял о должном уважении священнослужителей, совсем не значит, что он незамечал, скрывал или отвергал какие-либо их слабости. Совсем нет!

Наоборот, он говорит о том, что все братья посланы на помощь епархиальному клиру в спасении людей; если они заметят какие-либо слабости у них, то братья должны им во всем помогать и их дополнять. Так, например, братьям, исповедующимся у одного священника, рассказали о том, насколько он низок в добродетели и за негодействия свои всеми презираем. Не смотря на изъяны данного священника, братья не пожелали ни верить этим слухам, ни отказаться от обычая исповедовать перед ним свои грехи и продолжали «воздавать ему должное почтение».

Несмотря на все уважение питаемое по отношению к священнослужителям, случалось, что порой Франциск делал им замечания, если они делали что-нибудь несоответствующее их сану. В основном эти замечания касались служения таинства Пресвятой Евхаристии и таинства Покаяния. Примером такого действия могут быть полезные его слова по отношению исповеди женщин: «Общенья с женщинами, беседы с ними и даже взгляды на них, бывшего причиной гибели столь многих, он велел тщательно избегать, утверждая, что слабый дух от этого гибнет, сильный же расслабляется. Ведь удержаться от прикосновения, беседуя с ними, так же трудно, как по слову Писания, ходить по горящим углям и не обжечь ног своих» Единственный достойный повод для разговора священника с женщиной могла служить лишь исповедь.

Авторы Истоков Францисканства указывают на необходимость дара распознавания для тех, кто является исповедником или духовным руководителем. Об этом даре должны молиться и просить особым образом настоятели и министры, чтобы с его помощью могли как можно лучше оценивать ситуации и правильно воспринимать проблемы и нужды братьев. Несомненно, таким даром обладал Франциск. «Сколь часто, без всякого человеческого наставления одним лишь откровением Святого Духа, он узнавал о поступках отсутствовавших братьев, открывал тайное сердце и исследовал совесть братьев».

Посмотрим на примере, как братья относились к покаянию. Известен один эпизод, рассказывающий об одном из братьев удручаемого сильными искушениями плоти. Его страдания со дня на день становились все сильнее и сильнее, в то время как совесть побуждала его исповедоваться в пустынях. После исповеди он испытывал такой сильный стыд, что делил свои тревоги и часть из них доверял одному священнику, а что-то другому священнику. Франциск же узнав, что происходит в сердце этого бедного брата, так сказал ему: «Брат, я приказываю тебе ни кому более не исповедовать твоё мучение. И не бойся, ибо все, что происходит вокруг тебя без твоего согласия, будет вменено тебе в заслугу, а не в вину. Всякий раз, как тебя охватит тревога, по моему разрешению семь раз

произнеси Отче наш». Сей брат был очень удивлен услышанным словам, ибо о своих проблемах и искушениях он разговаривал лишь со священниками во время исповеди. Приведенные примеры-свидетельства, позволяют сделать вывод, что Франциск всех братьев, особенным образом тех, кто согрешил, принимал с любовью и вниманием. Распознавая в Божественном свете состояние их душ, старался индивидуально подойти к каждому из них, чтобы оказать помощь. «Прежде всего, рассматривал он проступки духовные, затем телесные, с корнем вырывая все причины, которые открывают путь греху в нашу жизнь»⁴¹. Если он считал, что данного брата нужно наказать, то всегда делал это, будучи принуждаем любовью. Когда видел, что достаточно лишь хорошего совета, то останавливался на этом. С особой любовью и милосердием Франциск относился к братьям, о которых знал, что они смущаемы искушениями и ослабли духом, как колеблющиеся младенцы. Поэтому Франциск не уставал повторять, что долг начальствующего, отца, а не тирана, предупредить возможность греха и не допустить, чтобы «пал тот, кто, раз пав, с трудом восстанет».

Франциск хотел, чтобы провинциальные министры легко прощали обиды и были приветливы по отношению к нижестоящим. Он желал, чтобы они также были умеренны в приказаниях, снисходительны к погрешностям, оказывали помощь, одним словом, он требовал от них такого поведения, чтобы их жизнь была для всех остальных зеркалом дисциплины. Святой муж дает совет министру как пастырю и настоятелю многочисленной монашеской общины, как следует относиться к согрешившим братьям. В его словах чувствуется неиссякаемая любовь к человеку. Франциск призывал к тому, чтобы не путать любовь с послаблением дисциплины, иначе это может принести не пользу, а зло как данным братьям, так и всему Ордену.

Франциск предлагает различные советы и формы помощи при недугах такого типа. Первой формой духовной помощи является не распространение информации о слабостях и грехах других людей. Ведь передача подобных «новостей» полностью противоречит заповеди любви. Поэтому Франциск неустанно напоминал братьям о том, чтобы ни в коем случае не осуждали других братьев, с целью показать в таком свете себя лучше других. Общества таких братьев он избегал, чтобы не пришлось услышать ему нечто неприятное о ком-либо из них, что принесло бы ему огромное страдание.

Другой такой духовной помощью, согласно Франциску, является терпеливое отношение к слабостям другим, помощь им во всем. Особым образом Франциск призывает заботиться о больных братьях. «И если кто из вас впадет в болезнь, другие братья должны ему служить так, как они хотели бы, чтобы им самим служили».

Не менее важной формой духовной помощи по Франциску - это братское наставление, преподнесенное со смирением и любовью. Каждый находится под постоянной угрозой оставить образ жизни по духу, а начать лишь по плоти. В такой ситуации, несомненно, самой лучшей поддержкой будет внимательность брата. Если же братские советы и наставления, сделанные братьям не принесут никакого результата, то нужно таких братьев отослать к министру, который поступит с ними так, как ему, согласно Господу, покажется наилучшим.

Самой же важной духовной помощью, которую можно оказать нуждающимся в ней, основывается на том, чтобы не позволить злу завладеть собой, но дать возможность восторжествовать добру. Кто во грехе видит то, чем действительно является грех, тот всегда будет стремиться, чтобы вместо зла всегда было добро. К реализации этого правила призывал святой Франциск своих братьев: «И если мы однажды увидим или услышим, как говорится или совершается зло против Бога или иное поношение, мы будем благословлять, и восхвалять, и совершать благодеяния во имя Господа, благословенного во веки веков;/⁷⁹. Поступая именно таким образом, пример жизни и красноречие поведения станут укором всем нечестивым людям. Это позволит, помочь людям исповедоваться в своих грехах и отдаться Божьему милосердию.

2.2. Покаянные практики святого Франциска

Основной задачей каждого грешника согласно Франциску - это не только необходимость поститься, молиться, плакать, истязать собственное тело, но прежде всего оставаться верным своему Господу. Только таким образом может произойти подлинное обращение. Для Франциска творить покаяние - это прежде всего всем сердцем любить Бога. Первыми словами, описывающими покаянную практику Франциска является эпизод из 7 главы Первого Жития Фомы Челанского. Автор рассказывает о том, как Франциск, пребывая еще в суе и праздности, стал уже покровителем нищих и страдающим, доставляя длань сострадания. Но «однажды, вопреки обычаю он отказал в милости одному нищему, просившего во имя великого Царя. Немного поразмыслив, начал говорить про себя, осыпая себя суровой бранью и великим бесчестьем. С того дня положил он в сердце своем не отказывать никому, кто станет просить у него подаяния во имя Господа, но неукоснительно помочь ему во всем, чем сможет»⁷⁵*. Этот эпизод показывает нам насколько Франциск был чувствительным по отношению к нуждам других. Свое первое покаяние он начал с того, что проявил интерес к жизни и судьбе прокаженных. Для него, человека жившего в достатке, общавшегося в основном только с людьми из обеспеченных семей, это был настоящий подвиг. Самым лучшим подтверждением этого, являются его же собственные слова: «Пока я пребывал в грехах, мне и видеть-то прокаженных было противно, но Господь привел меня посреди них, чтобы я милосердно им служил»⁷⁵⁷. Таким образом, можно заметить, что «начало жизни Франциска в покаянии связано непосредственно с прокаженными» .

Помимо большой заинтересованности прокаженными, он с первых дней своего обращения принимал на себя и творил разные покаянные практики. Многие, видя всю суровость и тяжесть покаяния, которое Франциск делал, смеялись над ним и считали его сумасшедшим. С того момента, когда он понял по какому пути призывает его идти Господь, для того, чтобы умерщвлять свою плоть он носил власяницу. Об этом факте упоминает Фома Челанский, повествуя о том, что когда Франциск снял в присутствии Ассизского епископа свои одежды для того, чтобы вернуть их отцу, можно было увидеть власяницу.

Что касается одежды, он удовлетворился одной рясой, сменив пояс на веревку. «С этих пор он всегда выбирал себе одежду, отмеченную знаком креста, чтобы, надев ее, отогнать любые бесовские видения и фантазии; выбирал одежду из власяницы, чтобы распять в ней плоть со страстями, похотями и грехами; самую бедную, поношенную одежду выбирал он себе, которая в глазах мира уже вовсе ничего не стоила». Мягкая одежда внушала ему отвращение, поэтому он искал одежду колючую и жесткую. Франциск стремился носить одежду подобную одежде Иоанна Предтечи и следовать его примеру в неустанном творении покаяния . «Порой, когда ему выдавали мягкую тунику, он вплетал в нее изнутри грубые веревки, ибо по слову самой Истины, не в бедных домишках, но только в чертогах царских можно найти одетых в мягкие одежды».

Достаточно синтетично и лаконично свидетельствует о способе отдыха святого мужа Бонавентура из Баньореджо. «Франциск часто, чтобы дать покой и отдых своему телу, простирался на голой земле или занимал позицию сидя. Спал он обычно, положив себе под голову вместо подушки камень или бревно и довольствовался одной лишь своей рясой». Интересен и тот факт, что Франциск не останавливался на достигнутых вершинах, но постоянно шел вперед. «Он изобретал для себя неустанно новые виды еще большего воздержания и усиливал это воздержание каждодневным упражнением, чтобы покарать и смирить вожделения своей плоти» \ Кроме уже упомянутых, Франциск использовал многие другие покаянные практики. Например, не раз на страницах Истоков Францисканства можно встретить упоминания о том, что святой муж прибегал к такой покаянной практике как бичевание. Фома Челанский во Втором Житии говорит о том, что сатана видя святость и духовное возрастание Франциска, прибегал к хитрости и пытался

искусить Франциска грехом сладострастия. Очень интересен сам метод борьбы святого мужа с этим искушением. Когда бичевание не приносило ожидаемых?

результатов, Франциск принимался за покаяние другого вида. Вот например борьбы с искушением греха сладострастия. «Франциск видя, что тело покрылось синяками от наказующих ударов, а искушение не проходит, выйдя в сад нагим погрузился в глубокий снег. Затем, полными пригоршнями беря снег, он делает из него семь коров в виде фигурок, садится перед ними и так начинает говорить своему телу: «Вот эта, самая большая, - твоя жена; эти четверо - двое сыновей и две дочери; а оставшиеся двое - слуга и горничная, нужные для ведения хозяйства. Давай же, надо одеть их всех, ведь они умирают от холода. А если эти многообразные хлопоты тебе тяжелы, то служи усердно лишь Господу»». Как продолжает свидетельствовать Фома Челанский - такое поведение святого приводило беса в смущение и он удалялся.

Согласно свидетельству святого Бонавентуры в Большой Легенде, Франциск, стоя на страже, особым образом старался и заботился о соблюдении целомудрия. «Потому он в самом начале своего обращения, в зимнюю пору целиком погружался нагим телом в ров, полный льда, чтобы таким образом совершенно победить врага, данного ему в плоть, и чтобы белое одеяние стыда уберегло его от огня вожделения». Из любви к своему Господу Франциск неустанно умерщвлял свою плоть, так, чтобы его сердце было всегда чистым и обращенным лишь к Богу. Когда он постился почти полностью отказывался от пищи. Постился же он большую часть года. Постился в честь святых, ангелов и прежде всего в честь Матери Божьей, соблюдая всегда сверх того, к чему призывал своих братьев. Если суммировать продолжительность всех постов, то окажется, что они длились около восьми - девяти месяцев в год. Порой случалось, что Франциск, чтобы как можно больше уподобиться Христу, в течение сорокадневного поста полностью отказывался от принятия какой-либо пищи.

Что касается обычного рядового времени, то в этот период Франциск ограничивал качество и количество принимаемой еды, до самого необходимого. Далекое не всегда позволял себе принимать вареную пищу. Когда же он ее употреблял, то досыпал в нее пепел и разводил ее водой до такой степени, что пища теряла всякий вкус. Для того, чтобы братья не обращали особого внимания на его покаянные практики, он объяснял, что сестра вода и братец пепел чисты. Франциск отличался предприимчивостью покаянных практик даже за столом у знаменитых людей, когда те приглашали его разделить с ними трапезу. «Он, обычно вкусив немного пищи, ради соблюдения евангельского завета, все остальное, якобы съеденное им, на самом деле прятал за пазуху, делая вид, что подносит руку ко рту, чтобы никто не мог догадаться, как он поступает». Интересно, что на тему употребления Франциском вина, как Бонавентура, так и Фома Челанский согласны в одном: не стоит даже задумываться на эту тему, так как, когда он чувствовал жажду, то «едва решался пить воду в количестве, достаточном для утоления палящей жажды». Последние два года жизни Франциска были наполнены особым образом героическими поступками в области покаянных практик. Сам Господь принял его в высшую школу страданий. Прибитый со Христом к кресту через стигматы, различные болезни и полное телесное бессилие, он ни разу не остановился в своем стремлении к совершенству, ни разу не допустил смягчения строгой дисциплины. «Даже, когда его тело изнемогало, он не мог оказать ему некоторого послабления без угрызения совести». Несмотря на то, что братья постоянно Франциска призывали к тому, чтобы он смягчил свои страдания, он не шел на компромисс. Хотя, нам известен один эпизод из жизни Франциска, упомянутый автором раньше, когда на призыв одного из братьев облегчить страдание собственного тела, святой муж согласился с мнением данного брата и даже попросил у своего тела прощение.

Продолжая мысль Фомы Челанского, можно задать вопрос: «Какой смысл имели покаянные практики Франциска, если его тело было полностью изможденным?». Анализируя Истоки Францисканства, можно найти три повода столь жестких

аскетических практик Франциска. Он осознавал необходимость постоянного бодрствования, так как прекрасно понимал, что сатана не спит и постоянно ищет своих последователей. Именно поэтому, когда его другие восхваляли и называли святым, он отвечал им обычно таким или подобным образом: «У меня могут быть еще сыновья и дочери: не хвалите меня так, как если бы я был в безопасности! Никого нельзя хвалить, пока конец его неизвестен».

Следующим поводом столь строгих покаянных практик была осознанность Франциском того, что он послан всему Ордену и мирянам, с которыми он встречался либо будет еще встречаться, как пример для подражания. Поэтому, «когда его внимание обращали на суровость его жизни, он отвечал, что он дан Ордену как образец, дабы вдохновлять, подобно орлу, птенцов своих к полету. Хотя его безвинная плоть, мгновенно подчинявшаяся духу, не нуждалась в наказании за совершенные грехи, он, тем не менее, усиливал ее покаяние ради примера и шел суровыми путями, чтобы вдохновить других». В качестве ответа, каким является третий повод, отвечает сама молитва Франциска о братьях, которые плохо поступали: «Кто же заменит Тебе их, если те, кого Ты послал для этой цели, не только не являются примером света, но скорее дела тьмы?» . Вполне возможно, что многие свои молитвы и столь суровые покаянные практики Франциска были актом вознаграждения за своих братьев. Кроме упомянутых практик, с помощью которых Франциск умерщвлял пороки своей плоти, Истоки Францисканства не раз упоминают об «умерщвлении внешних чувств, через которые смерть входит в душу». Как уже автор упоминал ранее, Франциск часто добавлял себе в еду золу либо пищу разбавлял с водой, для умерщвления чувства вкуса. Все это происходило во время ужасных болей желудка. Он избегал взглядов на все, что является лишь временным и преходящим, а также на то, что было связано с праздностью. Все это делалось с той целью, чтобы взгляд был всегда скромным и направлен лишь на то, что служит спасению. Так, например, Фома Челанский свидетельствует о том, как император Оттон, проходил через область, где как раз пребывал Франциск со своими братьями. «Преблагой отец вместе со своими спутниками удалился с его пути в пустынь, и, оставаясь в шалаше, даже не выходил за порог, чтобы увидеть императора, и занят был славой, что длится постоянно, а не той, что увядает в столь короткий срок» . В связи с укрощением своего взгляда, Франциск почти никогда своего взгляда не сосредотачивал на женщинах. Он считал, что общение с женщинами, беседы и даже взгляды на них нужно по возможности избегать, так как они явились гибелью для многих. «Женщины для него были столь докучливы, что можно было подумать, что речь идет не об осторожности и не о примере, но о страхе и ужасе. Одному из своих братьев Франциск признался, что среди лиц всех женщин он узнал бы лишь два». По общему мнению, говорится о Святой Кларе и Джакомине дей Сеттесоли . Чтобы сохранить свой слух чистым, когда ему случалось слышать непристойные разговоры, он сразу же закрывал уши и покидал это место. Поэтому, он очень хотел, чтобы братья сохраняли евангельскую тишину, избегая всяких праздных разговоров, за которые они дадут ответ в день суда. Именно в связи с этим, если он обнаруживал, что кто-нибудь из братьев склонен к пустословию, он жестоко порицал его, утверждая, что смиренное молчание оберегает чистоту сердца и само по себе является немалой добродетелью, потому и говорится, что «смерть и жизнь - во власти языка». Все упомянутые покаянные практики Франциск исполнял в духе аскезиса, а также как вознаграждение за грехи. Особый характер благодарения имели конечно же те практики, которым предшествовало таинство покаяния. Все публичные исповеди, когда Франциска перед собранными братьями или мирянами каялся в грехах, носили покаянный характер. Такое поведение по отношению к общине было доводом внутреннего отказа от соделанных грехов и одновременно обращением к Богу.

Стоит внимая в данном контексте один случай, произошедший с Франциском и одним новиком. Франциск перед ним становится на колени и исповедуется в том, что не соблюдал до конца предписаний Устава, касающихся бедности. Хотя и в данном случае не

говорится ни о какой покаянной практике, но заслуживает внимания сама форма исповедания: Франциск, «став на колени перед новицием со смирением исповедовал свой грех».

Особого внимания заслуживает другой пример покаяния Франциска, касающийся пребывания в гостях. «Порой, когда ему приходилось останавливаться у кого-нибудь в гостях, не разрешал готовить себе ложе, прикрывая его пуховиками и тканями, но ложился нагим телом на нагую землю, подстелив себе только свою одежду».

2.3. Покаянные практики братьев святого Франциска

Вскоре после обращения Франциска, к нему стали приходиться люди желающие жить таким образом, как он, то есть вести жизнь согласно Евангелию и полном подражании Христу. Рассуждая чисто в человеческих категориях, столь строгий образ жизни в постоянном покаянии должен был скорее отпугивать, чем притягивать людей. Однако, факты указывают на совсем противоположное: численность братьев очень быстро возрастала. Святой Отец от всего сердца желал, чтобы его ученики жили как он, соблюдая «святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, живя в целомудрии и послушании и не имея собственности». Своими советами он учил умерщвлять свою плоть, в которой нужно было искать свои недостатки и слабости. Жизнь в покаянии, согласно Франциску, была самым лучшим рецептом для умерщвления своего тела. Поэтому Серафический Отец в одном из своих наставлений прославляет верного и благоразумного раба, который во всех своих проступках не замедлит принести покаяние: внутренне - через раскаяние, и внешне - через исповедь и воздаяние. Братья, которые собирались вокруг Франциска, соглашались с подобным образом жизни. Достаточно знаменательным является тот факт, что несмотря на жизнь братьев в постоянном покаянии, святой отец призывал их не унывать по этому поводу и ни в коем случае не призирать людей, живущих в достатке.

«Однажды, когда братья находились в пути, у них спросили к какому Ордену они принадлежат. И хотя им затруднительно было ответить на этот вопрос, они в простоте признавались, что они кающиеся, родом из Ассизи. Ведь их братство еще не было названо Орденом». Можно сказать, что здесь находится начало движения кающихся братьев, то есть тех, которые принимали на себя ряд различных обязательств и обязанностей не определенных ранее в монашеском Правиле.

Когда Истоки Францисканства рассказывают о жизни первых братьев, приводят много поучительных и достойных восхищения примеров. Опираясь на тот факт, что далеко не все происходившее было записано и засвидетельствовано очевидцами, могут иметь место определенные сомнения, касающиеся подлинности данных событий. Наверняка нельзя их полностью отбросить и считать неправдивыми, так как по крайней мере они являются отличными показателями общего состояния духа. Если постараться выразить одним предложением о способе жизни первых братьев, то можно сказать, что они стремились жить подражая во всем святому Франциску, который не только всех призывал к жизни в покаянии, но даже ставил в пример другим тех, кто жил в подлинном покаянии.

Истоки Францисканства говорят о многих свидетелях, которые были потрясены видом столь сурового покаяния братьев. В Правиле не утвержденном буллой, Франциск обращаясь к больным братьям призывает их, чтобы они во время болезни не требовали с чрезмерной тревогой лекарств, желая облегчить плоть. Братья решившие следовать за Христом, подражая святому Франциску, должны были творить покаяние постоянно, даже в такие сложные и тяжелые моменты жизни как болезнь. Именно за столь суровый образ жизни одни считали братьев святыми людьми, другие же - сумасшедшими. «Люди совсем не понимавшие и не желающие понимать способа жизни братьев, более того, агрессивно настроенные по отношению к ним, часто нападали на них с клеветой, срывали с них одежду, избивали, связывали, заключали в тюрьму. Причем братья не искали себе ни защиты, ни покровительства, но выдерживали все с мужеством, прославляя Творца». Как

свидетельствует в том же житии Фома Челанский: «Братья почти не переставали молиться, благодаря Господа за все блага и слезами омывая свои упущения. Желая надолго погрузиться в молитву, они всеми силами стремились, чтобы сон не захватил их. С этой целью они изобретали всякие средства, и некоторые привязывали себя даже веревками, другие заковывали себя железными оковами или заключали себя во что-то вроде деревянных колодок. Если случалось, что избыток пищи вводил их в искушение или их усталость после долгого пути соблазняла их хоть чуть-чуть нарушить умеренность, они приговаривали себя к многодневному жесточайшему воздержанию».

Фома Челанский во Втором Житии замечает: «Творя настолько суровое покаяние, они давно уже лишились бы чувств, изможденные бодрствованием и длительными постами, если бы не сдерживали такое рвение, благодаря постоянным увещаниям предусмотрительного пастыря. И хотя он побуждал братьев к жизни настолько суровой, насколько хватит у них сил, он вовсе не желал суровости избыточной и чудовищной, не признающей ни различий, ни послаблений». Франциск был суров к себе, снисходителен к другим. Он объяснял братьям, что плоть имеет тоже свои нужды, которые необходимо удовлетворять, чтобы иметь силы исполнять свои обязанности. Он говорил, что вину и елею, розге и железу, рвению и снисхождению, темнице и материнскому лону, всему свое время. Следуя этому правилу, он всегда поддерживал всех, кто нуждался в помощи и был суров с теми, кто этого заслуживал.

Истоки Францисканства несколько раз упоминают о том, что братья сами приходили к Франциску, чтобы признаться в содеянных проступках и принять от него покаяние. Не во всех местах Истоков Францисканства, описываемых покаяние, говорится о виде и форме покаяния, а часто упоминается о покаянии как о факте. Что касается конкретных видов покаяния, то их тоже можно встретить. Так, одним из них, является молитва за братьев либо за самого себя. Франциск предписывал молитву, как средство во избежание празднословия. Она являлась не только средством, но и вознаграждением за свою вину. Святой Отец говорил, что, если кто-то из братьев произнесет праздное слово, пусть сразу же признает свою вину и за каждое ненужное слово прочтет Отче наш. «Если брат сразу же исповедает свою вину, он произнесет за свою душу; а если его раньше упрекнет другой брат, то он произнесет это за душу того, кто его упрекнул».

Если за такие проступки как праздное слово, Франциск предписывал молитву как воздаяние за данное несовершенство, то тем более молитва сопутствовала более серьезным нарушениям. На самом деле молитва прославления, была для него одновременно и покаянной молитвой. Когда люди плохо говорили о Боге, ругались, Франциск призывал в таких ситуациях своих братьев особым образом прославлять Господа. Кроме молитвы прославления Франциск указывал на просительную молитву. В Правиле не утвержденном буллой, Святой Отец призывал священнослужителей во искупление нерадивости и других проступков своих братьев каждый день читать «Помилуй меня Господи» и «Отче наш».

Братья, совершившие какой-либо грех, кроме молитвы должны были выполнять покаянные практики. В основном они носили характер смирения и просьбы о прощении виновника перед тем, кого он обидел. Так, один из братьев не оказав бедному и тяжело больному человеку сочувствия и помощи, должен был согласно повелению Франциска исповедовать свою вину. Святой отец призвал его следующими словами: «Быстро, сними свою рясу, стань на колени перед бедным и открыто признай свою вину. И не только попроси у него прощения, но и настоятельно проси его молиться за тебя». Похожее покаяние нужно было выполнить братьям, согрешившим грехом клеветы. «Франциск избегал и страшился порока клеветы, словно укуса змеи или жесточайшей болезни, утверждая, что клевета всего ужаснее и в очах Божиих, ибо клеветник питается кровью душ, которых он убивает мечом своего языка». Именно поэтому за этот грех было очень суровое наказание. Продолжая свидетельствовать, святой Бонавентура рассказывает о том, что «если кто из братьев лишал доброго имени других, то Франциск его

приговаривал к лишению монашеского одеяния, чтобы не мог тот возвыситься в очах Господних, пока не сумеет и не потщится вернуть своим братьям то, что у них отнял». Фома Челанский повествует о том, что Франциск призывал своего викария действовать с мужеством и большим вниманием по отношению к делам, касающимся доброго имени братьев. «И если окажется так, что брат, на которого воздвигли обвинение, невинен, то нужно наказать обвинителя суровым наказанием. В случае же, когда викарий сам не сможет выполнить этого наказания, то он должен, по словам святого Франциска, отдать такого брата в руки флорентийского борца. Борцом он называл брата Иоанна из Флоренции, человека высокого роста и большой силы». Другим проступком за который лишали братьев рясы, было вхождение в женские монастыри без особого разрешения. «Один из братьев движимый состраданием, отправился в женский монастырь, не придавая особого значения запрету святого отца. За это ему пришлось творить покаяние, так как, когда Франциск узнал об этом, он заставил его пройти несколько миль без рясы по страшно холодному снегу». Не менее суровое наказание предусматривалось для тех братьев, кто из них прикасался к деньгам или обращал свое сердце к ним. «Когда случилось так, что один из братьев преступил этот наказ и понял, что его проступок обнаружен, побежал просить за него прощения и простерся на земле, ожидая наказания. Святой обвинял его и сурово упрекал за то, что он прикоснулся к деньгам, и приказал ему ртом взять монету и, вынеся ее на улицу, так же ртом положить ее на ослиный навоз. Брат охотно исполнил повеление, и все присутствовавшие устрашились». Франциск не только постоянно напоминал братьям, что они должны жить в нестяжании, но и любить этот образ жизни, который помогал им иметь сердце свободным от всех богатств преходящих и таким образом полностью обратить свои взоры к сокровищам вечным. Так, в своем завещании сделанном в старости, Франциск кроме взаимной любви и покорности иерархам Святой Матери Церкви, просит братьев, чтобы всегда любили и почитали святую госпожу бедность.

Приведенные выше покаянные практики непосредственно связаны с личностью святого Франциска, ибо после того, как братья исповедовали перед ним свои грехи, он назначал им епитимью. В некоторых местах Истоков Францисканства можно найти упоминания о том, что после совершения какого-нибудь греха или проступка, братья сами себе задавали епитимью. Интересным примером и подтверждением вышесказанному, является случай произошедший с двумя братьями в присутствии одного очень знатного человека с острова Кипр. «Некий брат по имени Барбаро обидел своего собрата оскорбительным словом. Но едва он заметил, что его брат обиделся, он возгорелся гневом против себя самого, и, взяв ослиный навоз, положил его себе в рот, чтобы жевать его: «Пусть жует навоз этот язык, изрыгнувший яд гнева на моего брата». Когда случалось, что один из братьев обидел другого таким или подобным образом, он не мог успокоиться, пока не попросил у того прощения. Обычно обидчик простирался на земле и просил обиженного стать ему на уста. Когда кто-то отказывался исполнить это, обидчик, если он был старшим, приказывал ему стать ногой на устах; если же он был подчиненным, тогда просил приказать это начальствующему. Таким образом, «братья стремились изгнать всякую обиду и несогласие и сохранить безупречной взаимную любовь».

Такого типа поведение братьев, несмотря на то, что оно вытекало непосредственно из сердец братьев, было укоренено в формации, полученной от Святого. Так, например, «один из братьев во время молитвы настолько глубоко вошел в пребывание с Господом, что из-за этого опоздал на общую трапезу.

Когда же экстаз закончился, данный брат поднялся, потому что он был простертым ниц на земле, и, придя к столу, обвинил себя за опоздание».

Заслуживающим внимания является тот факт, что в отличие от других монашеских правил, в Правиле, которое оставил Франциск своим братьям, нет ни одного указания, касающегося телесных наказаний. Вся покаянная процедура Братьев Меньших была основана лишь на смиренном и полном любви совету, замечанию. Если после этого не

удавалось достигнуть необходимых результатов, то таких братьев обычно отсылали к министрам, которые должны были поступить с ними так, как считали нужным. Даже за самые тяжкие грехи не предусматривалось ни каких телесных наказаний. Так, например, если кто из братьев впадал в блуд, то должен был вовсе снять с себя одежды и быть изгнан из Ордена, а затем должен был принести покаяние за соделанные грехи. Однако вышеупомянутый подход братьев к принятию самим для себя определенной епитимьи, либо назначение ее самим Франциском, ясно указывает на то, что в первой общине братьев существовали определенные правила, касающиеся покаянных практик, хотя они и не были записаны в Правиле.

2.4. Воздействие первых францисканцев на современное им общество

На основе анализа Истоков Францисканства, покаянные практики осуществляемые мирянами, были тесно связаны с покаянием, творимым Братьями Меньшими, которые оказывали немалое влияние на мирян. Поэтому не маловажным является понятие способы влияния, воздействия братьев на мирян. Началу XIII века был характерен упадок интереса как со стороны духовенства, так и со стороны мирян по отношению к покаянным практикам Согласно Легенде трех спутников, в те времена любовь и страх Божий будто? угасли в сердцах"" , и почти повсеместно; о покаянии не ведали или даже почитали за безумие. «Такую власть приобрели плотская похоть, жажда богатства и гордыня, что, казалось, всем миром правят эти три дьявольские соблазна». Совсем неудивительно, что в такой ситуации, мужей, решившись жить совсем по другим принципам, чем те, которые царили повсеместно, многие считали помешанными или одержимыми. Братья, однако, старались не обращать внимания на все эти ложные обвинения и упреки. Будучи послушными Франциску и стараясь подражать своему отцу во всем, они стремились донести Благою Весть до каждого через творение покаяние и через его проповедование. На творении покаяния и на его проповедовании, опиралась вся апостольская деятельность братьев. Сам Франциск утверждал, что меньшие братья посланы Господом в эти последние времена, чтобы подавать примеры света тем, кто погружен в глубокий мрак. Серафический Отец всем сердцем желал, чтобы не только он и его братья творили покаяние, но также и все люди и таким образом, пришли ко спасению. Неустанно призывая всех к творению покаяния, он даже делил людей на тех, кто творит покаяние и тех, кто к нему совсем не стремиться. Свидетельствование хорошим примером, было наилучшим выполнением миссии Церкви и укреплением веры среди христиан. Именно к такому свидетельству и призывал Франциск своих братьев: «Поведение братьев среди людей должно быть таким, чтобы каждому, кто увидит и услышит их, захотелось восхвалять и прославлять Отца небесного».

Франциск желал быть примером для остальных братьев на пути, который явил ему Господь. Поэтому он прежде, чем начать провозглашать покаяние другим, сначала обратился сам. Как мы можем встретить в Легенде трех спутников, он не прибегал к угодничеству, пренебрегал красноречием. «То, что в своих увещеваниях он предлагал другим, прежде он сам все переживал; потому он и мог чистосердечно возвещать истину». «Все покаянные акты, творимые святым, были яркими знаками и символами, для тех, с кем ему приходилось встречаться. Этот факт подтверждают свидетели, видевшие дела Франциска, которые, расплакавшись, с великим вздохом говорили: «Горе нам, несчастным, ведь мы-то всю жизнь мараемся в крови, роскоши и непотребстве, запятнав и тела свои, и души». И так, умилившись сердцем, многие из них были его примером обращены к лучшей жизни».

Свидетельство смирением и покаянием, которое многие люди видели у братьев Франциска, приносило обильные плоды. «Один из знатных людей, видя с каким смирением и любовью, братья исповедуют друг перед другом о своих провинностях, был

сильно поражен. При виде этого знатный муж пришел сначала в смятение, но потом извлек из этого хорошее назидание. С этого момента он с великой щедростью отдал себя и свое имущество в распоряжение братьев».

Весомое значение в апостольской жизни братьев занимало провозглашение покаяния. В начале своей «новой» жизни, когда «под воздействием Святого Духа Франциск понял, что ожидает от него Господь, он со всем жаром стал обдумывать и исполнять новые благодатные указания. Божиим внушением стал он возвещать евангельское совершенство, в простоте проповедуя всем покаяние». Он стремился донести Благоую Весть до каждого простым и понятным для людей языком. «Несмотря на его простоту и не великую образованность, слова его не были легкомысленными или смехотворными, но были полны силы Духа Святого и проникали в глубину совести, так что живо трогали слушающих». Согласно повествованию Первого Жития Фомы Челанского, святой муж смело проповедовал властью апостольской, снизошедшей на него, не употребляя ни каких слов ласкательства или заискиваний заманчивых. Не в его обычае было поощрять чужую вину и благословлять людей на жизнь греховную, но нападал он всегда с неизменной суровостью, ведь он прежде всего самому себе на деле доказывал то, что теперь старался внушить другим словами; и потому, не боясь изобличения, с уверенностью мог проповедовать истину, так что «даже мужи, сверхизощренные в науках, сияющие славой и всеобщей известностью, дивились его речам, и общение с ним склоняло их к спасительному страху». Святой Бонавентура указывает эффективность проповеди святого мужа, что касается покаяния. «Силой и именем Истины, проповедник ее Франциск, изгонял бесов, исцелял больных и, более того, красноречием своей проповеди смягчал к покаянию закостенелые сердца, разом возвращая здоровье и душе, и телу». Парно рассылая учеников в мир, чтобы они шли и возвещали о царствии Божиим, святой муж дал такое наставление: «Идите, возлюбленные мои, по два, во все края мира, возвещая людям мир и покаяние во оставление грехов, в скорби будьте терпеливы, и пребудьте в уверенности, что Господь исполнит решенное Им и обетованное». Сам папа римский Иннокентий III, после того, как выслушал просьбу Франциска с братьями об утверждении Правила, дав им свое благословение, сказал им: «Ступайте с Богом, братья, и пусть Господь удостоит вас своим вдохновением, чтобы вы возвестили всем покаяние. Когда же Господь размножит вас, возвращайтесь ко мне с радостью, и я дам вам еще больше права и с уверенностью поставлю вас над многими». Возвещение о Царствии Божиим, включало в себя два элемента: мир и покаяние. Говорит об этом Фома Челанский, рассказывая об апостольской деятельности Франциска. «И ходил с того дня Франциск, отважнейший воин Христов, по всем городам и селениям, и слово его и проповедь были не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, возвещая Царствие Божие, проповедуя мир, уча спасению и покаянию во оставление грехов.

Важно заметить ту важную роль, которую играли при взаимодействии эти два элемента. Франциск никогда не принимал одностороннего апостольства, касающегося лишь провозглашения о спасении и необходимости обратить сердца. В своей апостольской деятельности он никогда не говорил о творении одного лишь покаяния. У Франциска между двумя этими элементами царил гармония, при чем для него возвещение покаяния не было самым главным. Намного более возвещения покаяния словами, святой муж ценил возвещение покаяние жизнью, своим примером. Он считал, что прежде, чем учить чему-то других, сначала это нужно уметь самому. Именно такой характер имела его проповедь, провозглашенная более примером, чем словами. «Однажды, когда Франциск находился у Святого Дамиана, его викарий попросил святого изложить монахиням слово Божие. Франциск приказал принести пепел, посыпал его вокруг себя, а остаток высыпал себе на голову. Святой муж не проронив ни слова из ожидаемой всеми проповеди, а прочитав лишь покаянный псалом, удалился. От этого многозначительного поведения рабы Господни ощутили такое сокрушение, что разразились потоком слез и едва удержались от наказания себя собственными руками».

Понимая, что дела намного более глубоко и эффективно воздействуют на людей, чем слова, Франциск рассылая своих братьев дал им среди прочих следующее наставление: «Пойдем же по миру, призывая всех, и более примером, чем словами, принести покаяние в грехах и помнить заповеди Божии». Особенно таким образом они должны были поступать, если им министр Ордена или епископ где-нибудь не разрешит говорить проповеди. Такого типа апостольство было доступно всем без исключения. «Именно о нем говорил святой Франциск одному брату из Ордена проповедников, когда тот попросил святого изложить слова Иезекииля: «Если ты не будешь остерегать беззаконника от беззаконного пути его, то Я взыщу кровь его от рук твоих».

«Если рассматривать эту фразу в общем смысле, - отвечал Франциск, - то я ее понимаю так: раб Божий должен иметь в себе такое горение святости жизни, что свет его примера и красноречие его поведения будут служить укором всем нечестивым людям»».

Не менее эффективным способом обращения людей, чем выше приведенные, Франциск считал борьбу о душах с помощью молитвы. Фома Челанский свидетельствует о том, как Франциск упрекал проповедников, жаждущих пустых похвал. «Почему вы хвалитесь обращением людей, когда это мои простые братья обратили их своими молитвами?». Все что не делал Франциск, все это было направлено лишь к одной цели - спасению душ. Из этого проистекало его усердие в молитве, его перемещение с места на место для проповеди, его великая забота о том, чтобы подавать добрый пример. Истоки Францисканства вспоминают о том, как Франциск однажды остановился в Греччо, где люди как раз в то время очень сильно страдали от природных напастей. «Святой муж, обратившись к людям постигнутым столь тяжким бедствием, призвал их сотворить достойный плод покаяния. В тот же час жители этого места по увещанию Франциска принесли покаяние, и прекратилась кара, оставили их все опасности, и ни волки их с того дня не тревожили, ни бури».

«С великой суровостью и строгостью Серафический Отец относился к тем, кто, внешне проявляя сильное умерщвление плоти, внутренне же совсем не стремился измениться. О таких людях он говорил, что они не суть нищие духом; потому что кто поистине нищ духом, ненавидит самого себя и любит тех, кто ударяет его по щеке».

На основе Истоков Францисканства можно сделать вывод, что жизнь и миссия Франциска приносили огромное пробуждение среди всех классов общества". Итогом его апостольской деятельности было то, что за столь короткое время многие люди выразили свое желание посвятить себя на всю жизнь служению Господу. Что интересно, выражали свое желание следовать за Христом по примеру святого не только мужчины в таком большом количестве, но и «многие девицы и вдовы, тронутые проповедью братьев и следуя их совету, заключались в монастырях своих городов и селений, чтобы совершать покаяние». Меняли свою жизнь не только люди свободные, то есть не связанные брачными узами, но и женатые мужчины, и замужние женщины, которые не могли расторгнуть брачных уз, «по внушению братьев, учреждали у себя в домах более строгое покаяние». Покаяние святой отец связывал с внесением покоя и согласия не только в окружающий нас мир, но прежде всего сохранение мира в душе и теле". В послании христианам, Франциск призывает всех верующих принимать Тело и кровь Господа Нашего, исповедав прежде священнику грехи. Кроме этого святой приглашает их сотворить достойный плод покаяния.

Покаяние - обращение привело не только многих к изменению жизни, но и поспособствовало началу средневекового францисканизма. Подтверждение этому можно встретить в Истоках Францисканства. Фома Челанский повествует о том, что Франциск «устанавливал устав, правила и учение, обновляя для людей обоюбого пола Церковь Христову, чтобы тройное воинство одержало победу». Легенда же трех спутников говорит о том, что благодаря Франциску Церковь Божия обновилась тремя Орденами, прообразами которых явились три храма, восстановленные святым. И «каждый из трех

Орден был в свое время утвержден высшим первосвященником». Желание и стремление к обращению было связано с отказом себе во многих вещах. Внешним образом это проявлялось через пост и умерщвление, а также в более суровом способе жизни, по сравнению с остальными христианами. После проделанной работы над II-ой главой, нетрудно заметить с каким рвением Серафический Отец стремился избегать малейшего повода к греху. Если же и случалось ему согрешить, он тотчас обращался к таинству покаяния, к чему и призывал своих братьев. Различные покаянные практики, которые ассизский бедняк воплощал вместе с братьями, являлись не только воздаянием за свои грехи, не только помощью в предупреждении грехов, но прежде всего стилем их жизни. Франциск, как и его братья, являлись видимым знаком для людей, которых Господь ставил на их пути. Благодаря своему способу жизни в покаянии, они привели многих к Богу. Особым образом Франциск воздействовал на каждого, кто с ним встречался. Несомненно, это свидетельствует о том, что этот великий святой напомнил и приблизил своей эпохе образ жизни христианина, как способ жизни в покаянии. Способ жизни, к которому призывает сам Иисус Христос.

Глава III. Покаяние «за» и «против» Церкви

3.1. Понимание индульгенций и позиция Мартина Лютера

Существовавшая в это время практика индульгенций была в несколько искаженном виде. Своеобразно представляет развитие и смысл индульгенций протестантский автор Берта Порозовская: «Индульгенция состояла первоначально в отпущении церковной епитимьи с согласия всех членов общины. Эту епитимью, заключающуюся в бичевании, путешествии к святым местам и т.п., дозволялось в некоторых случаях заменить уплатой денег. Следовательно, индульгенция касалась только внешней части покаяния, но не освобождала от грехов; для отпущения последних служило таинство покаяния, в котором верующий и раскаявшийся грешник разрешался от греха Самим Богом устами священника. Однако с течением времени в Церкви индульгенция перешла и на само отпущение грехов». К сожалению, подобное понимание индульгенций встречается не редко. На самом же деле Церковь никогда не признавала того, что через индульгенцию могут быть отпущены грехи.

Лев X был сыном Лоренца Великолепного, стал кардиналом в тринадцать лет, а папой в тридцать семь. Несмотря на свое безукоризненное поведение с нравственной точки зрения, ввел в Курии суетный образ жизни: требовавшие огромных расходов охоты, театральные представления и другие развлечения. Поглощенный политическими и артистическими заботами, он не проявил себя с необходимой энергией в момент начала лютеранского бунта. Подобные факты приводит Берта Порозовская, представляя лишь их в более темных красках. На взгляд автора, достаточно интересным является высказывание католического историка Людвиг фон Пастора, который заявил, что возведение в критический час на престол святого Петра «человека, который едва ли осознавал те обстоятельства, которые связаны с этим высоким постом, было одним из высочайшим испытаний, которым Бог когда-либо подвергал свою Церковь». На тот момент Лев X особенно нуждался в средствах для завершения начатой его предшественником Юлием II работы - строительства нового собора святого Петра. Деньги же на строительство этого собора собирались при помощи продажи индульгенций. Папа наделил правом выдавать индульгенции епископу Альбрехту Бранденбургскому, давая ему возможность возместить убытки, которые он понес в немецком банковом доме Фуггеров. Половина суммы от продажи индульгенций должна была пойти на строительство собора, а вторая половина на погашение долга Фуггерам.

В инструкциях Альбрехта говорилось, что папа Лев X выдал всеобщую индульгенцию для покрытия издержек на исправление того прискорбного состояния, в котором пребывали останки апостолов Петра и Павла, а также бесчисленных мучеников. Далее в инструкциях говорилось, что в местах распространения индульгенций, следует водрузить крест и герб папы, чтобы все имели возможность жертвовать по способности. «И поскольку мы озабочены спасением душ не меньше, чем сооружением этого здания, никто не должен оставлять сего места, не сделав вклада». Распространение этой индульгенции было доверено доминиканскому монаху Тецелю. «Когда Тецель приближался к городу, его встречали видные горожане, которые вместе с ним входили в город торжественной процессией. Перед Тецелем несли крест с изображением папского герба и папскую буллу об индульгенции. Крест торжественно водружался на рыночной площади, и начиналась проповедь, после которой проходила продажа индульгенций».

«Самым страшным искажением учения об индульгенциях было то, что Тецель в своих проповедях говорил о том, что за жалкие гроши, души, находящиеся в геенне огненной, могут быть полностью освобождены». Автор данной работы, имея возможность сравнить данную цитату с идентичным текстом, только лишь изданным на других языках, заметил, что приведенное выше высказывание, существующее в официальном переводе на русском языке, полностью искажено! На самом же деле, речь идет не о помощи душам находящимся в геенне огненной, но душам пребывающим в чистилище. К XVI веку покаяние на практике стремиться стать чем-то внешним. Как в последствии в своем Большом Катехизисе написал Мартин Лютер: «Самое же скверное было то, что никто не учил, да и не знал, какова должна быть исповедь, какую помощь и утешение она может приносить. Вместо этого исповедь была превращена в сущий ужас и адские муки, через которые человек обязан был проходить, несмотря на то, что ненавидел это более всего». Мартин Лютер не мог мириться с происходящим и в канун праздника Всех святых он помещает на дверях Замковой церкви в Виттенберге листок, на котором были написаны 95 тезисов, предложенных для обсуждения. Такого мнения придерживается протестантский богослов Роланд Бейнтон. На самом же деле миф о прибитом листе с 95 тезисами к дверям церкви в Виттенберге, уже давно рассеян. «Дело в том, что эти тезисы были написаны по-латыни и на очень сложную тему. Поэтому очень трудно себе представить, что простолюдины смогли бы понять это. Кроме того, не существует ни одного достоверного свидетельства этого».

Самый первый тезис гласил: Господь и Учитель наш Иисус Христос, говоря «покайтесь», заповедал, чтобы вся жизнь верующих были покаянием. По мнению Лютера подлинное покаяние не может быть одноактным действием, то есть просто отпущением грехов священником, - но это внутренний процесс духовно-нравственного совершенствования, который длится всю жизнь христианина. Потому Лютер в Большом Катехизисе пишет об исповеди, как о драгоценном и утешительном сокровище, предлагаемом нам в Евангелии. Для него исповедь подразумевается не просто как перечисление грехов перед священником, но также и перед каждым человеком, перед которым виновен. Согласно учению Лютера эта разновидность исповеди включена в молитву «Отче наш», в которой мы просим: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Самым же важным для него - покаяние это вся жизнь. Как написал об этом немецкий историк Иозеф Лорци: «Поскольку жизнь есть целостность и должна быть таковой особенно для христианства как целого, пусть таким образом осуществится принципиальный мотив Реформации - покаяние».

То, что доктор Лютер считал покаяние шире таинства исповеди, можно увидеть далее в тезисах. Так, например, 2-й и 3-й тезисы гласят: «Это слово «покайтесь» не может быть понято как относящееся к таинству покаяния (то есть к исповеди и отпущению грехов, что совершается служением священника). Однако, относится оно не только к внутреннему

покаянию; напротив, внутреннее покаяние - ничто, если во внешней жизни не влечет всецелого умерщвления плоти».

Это означает, что жизнь в покаянии - это жизнь по Евангелию, потому что «сущность евангельской проповеди сводится к осуждению и предложению ради Христа - прощения грехов, праведности, Святого Духа и вечной жизни, а (затем) будучи возрожденными людьми, мы должны совершать добрые дела. Таким образом, Христос излагает суть всего Евангелия, говоря в последней главе Евангелия от Луки: «И проповедану быть во имя Его (Христа) покаянию и прощению грехов во всех народах...».

Из всего вышесказанного можно увидеть, что Лютер покаяние рассматривал как стиль жизни, как жизнь по Евангелию в подражании Христу. И здесь можно было бы отметить следующие слова из апологии аугсбургского вероисповедания: «Прийти ко Христу - значит уверовать, что грехи прощены ради Христа. Когда мы веруем, наши сердца оживляются Святым Духом посредством Слова Христова. Таким образом, здесь имеются эти две основные части - сокрушение и вера. И в Евангелии от Марка Христос говорит: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк 1,15). Здесь в первой части Он изобличает наши грехи, а во второй части - утешает нас и являет прощение грехов».

3.2. Реакция Тридентского Собора

Из всего вышесказанного можно было бы сделать вывод, что «папская Церковь» окончательно погибла, а Лютеранская Реформация была единственным выходом из этой сложнейшей ситуации. Но в ответ на движение протестантской Реформации в Церкви возникло мощное движение Контрреформации, которое догматически выразилось на Тридентском Соборе.

Также необходимо упомянуть Католическую реформу XVI века, имеющей самостоятельные внутрицерковные и являющейся позитивным достижением католицизма. «Доказательством может служить тот факт, что первые шаги в направлении католической реформы были сделаны хронологически еще до Реформации, не говоря уже об упомянутых выше позднесредневековых попытках обновления, предпринятых приходским духовенством и клиром орденов; не говоря уже о феноменах простонародного благочестия, которые, несмотря на все свои недостатки, были все же подобны добрым семенам, посеянными в укромных местах и принесшим богатый урожай». Церковь остро нуждалась в созыве Вселенского Собора. Еще Мартин Лютер призывал к созыву Собора летом 1518 года. Многие сочинения той эпохи, германские рейхстаги и программы всех сторонников реформы требовали прибегнуть к созыву собора, как к средству спасения. «Когда Вселенский Собор (...) начался в Триденте, папская булла, изданная к его открытию, провозгласила его выдающимся средством спасения Церкви»³⁰³. Главная цель всех усилий Собора была задана по существу положением Церкви: внутренними нуждами и протестантскими новшествами.

В том, что касалось учения, Тридентский Собор целиком и полностью придерживался старой христианской традиции. В основном формулировки учения и осуждающие постановления были направлены против Лютера и реформаторов. Собор провел жесткую черту между заблуждениями Реформации и истинным учением Церкви, основанном на предании.

У Церкви есть духовенство и семь таинств, каковые суть действенные средства обретения милости Божией. Вот, в частности, что говорил Собор о Таинстве Покаяния: «Раскаяние является главным действием кающегося, это боль души и ненависть к совершенному греху, с решением в будущем больше не грешить... Святой Собор объявляет, что это раскаяние содержит не только отказ от греха, твердое решение и начало новой жизни, но еще ненависть к старой жизни по этому слову: «Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешили вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух» (Иез 18, 31)».

Глубочайшее значение Тридентского Собора заключается в том, что он внес решающий вклад в выяснение некоторых важнейших вопросов учения Церкви, таких как Таинства, Слово Божие, роль Церкви в процессе Спасения, и те ориентиры, которые он дал, остаются решающими по сей день~ . К сожалению, Собор сыграл незначительную роль в смысле непосредственного влияния на ход Реформации. Церковное единство христианства стало неразрешимой для того времени проблемой . Так же на Соборе было и много мелочной неразберихи. Автор считает просто необходимым привести здесь восклицание Иозефа Лортца: «Не будь Лютера, не было бы и Тридентского Собора!». Результат перевешивает человеческие слабости. Он ведет к медленному, однако проникающему в глубины души обращению (метанойе), как того требует Евангелие. Тридентский Собор и пронизанный его духом Catechismus Romanus (1566 г.) утешительным образом подхватили призыв, которым некогда Лютер начал борьбу и который в те времена никто публично не защищал как католический: «Вся жизнь христианина должна стать покаянием».

3.3. Покаяние в современном Учении Церкви

Евангельский призыв: «Покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк 1, 15)» не переставал быть актуальным и после Тридентского Собора. В Церкви появились люди, которые постоянно напоминали о смысле жизни христианина. Актуален этот призыв и сегодня, о чем говорит последний Вселенский Собор в Ватикане.

Призыв жить в покаянии по Евангелию в подражании Христу, содержится в документах II Ватиканского Собора. В IV главе *Lumen Gentium* говорится: «Христиане, собранные в Народ Божий и составляющие единое Тело Христово под одним Главой, кто бы они ни были, призваны к тому, что, как живые члены, содействовать возрастанию Церкви и ее непрерывному освящению всеми своими силами, полученными по благодати Творца и по благодати Икупителя» . Еще более это подчеркивается в V главе Конституции о Церкви О всеобщем призывании к святости в Церкви: «Отцы Собора отмечают, что несмотря на различные занятия христианина, все должны следовать за Христом. «При различных образах жизни к одной и той же святости стремятся все те, кто движим Духом Божиим и, послушествуя гласу Отца, поклоняясь Богу Отцу в духе и в истине, следует Христу - нищему, смиренному, несущему крест - чтобы удостоиться причастности к Его Славе». «Церковь помнит и наставление Апостола, который, призывая верных к любви, увещает их чувствовать то же, что и Христос Иисус, Который «уничжил Себя Самого, приняв образ раба...быв послушным даже до смерти» (Флп 2, 7-8) и ради нас «будучи богат, обнищал» (2 Кор 8, 9). Так как необходимо, чтобы ученики всегда подражали этой любви и смирению Христа и подавали свидетельство одних, то Мать Церковь радуется, обретая в своем лоне многих мужчин и женщин, которые еще теснее следуют уничижению Спасителя и еще ярче это выказывают, в свободе детей Божиих принимая нищету и отрекаясь от своей собственной воли».

Также папа Иоанн Павел II в апостольском обращении О призывании и миссии мирян в Церкви и мире призывает верных к жизни в святости, то есть в следовании за Христом в покаянии: «Жизнь в следовании Святому Духу, плодом Которого является святость, требовательно побуждает следовать за Иисусом Христом и подражать Ему в принятии Его Блаженств, в слушании Слова Божия и размышлении над ним, в осознанном и действенном участии в литургической и сакраментальной жизни Церкви, в индивидуальной, семейной и общинной молитве, в алкании и жажде правды, в осуществлении заповеди любви во всех жизненных обстоятельствах и в служении братьям, особенно самым малым, бедным и страдающим».

В заключении следует отметить, что, несмотря на то, что в XVI веке учение о покаянии было искажено практикой индульгенций, в Церкви все же нашлись силы освободиться от несовершенств, выражением чего послужил Тридентский Собор, который провозгласил,

что, несмотря на различные практики Церкви относительно покаяния, вся жизнь христианина должна быть покаянием. Конечно, то же самое говорил Лютер и реформаторы, но все же они выступили против Церкви, и породили раскол, который актуален и сегодня.

В конце работы над III-ей главой можно заметить, каким образом в Церкви развивался подход к покаянию. XVI век, подобно эпохе святого Франциска, характерен тяжелой ситуацией Церкви. Появляется огромная опасность заменить покаяние уплатой определенной суммы денег. Реакцией, на сложившееся положение, является выступление Лютера, призывающего христиан к совершению покаяния в течение всей жизни. Этот призыв соответствовал учению Тридентского Собора и последующих документов Церкви, с той лишь разницей, что Мартин Лютер пошел против Церкви.

Заключение

Целью данной работы было представить покаяние как стиль христианской жизни на основе Истоков Францисканства и лютеранских источников. Анализируемые источники относятся непосредственно к личности святого Франциска Ассизского, а также доктора Мартина Лютера. Именно поэтому эти две всем прекрасно известные личности, стали центральными фигурами данной работы. Опираясь в основном на их позиции, труды, высказывания автор прослеживал тему покаяния, как образ жизни христианина, который таким образом может следовать за Христом. Приоритет отдан Серафическому Отцу, так как он один из наиболее известных святых в Римско-католической Церкви, и не только. Святой, который радикальным образом ответил на призыв Господа, оставив все, начал творить покаяние. Франциск представлен в свете его понимания покаяния не только, как образа жизни, но намного в более широком охвате. Автор представил его подход к этой проблеме в свете различных аспектов: покаяние, имеющее таинственный характер, покаянные практики как воздаяние за грехи. Несомненно, эти лучи аспектов покаяния, наблюдаемых у Ассизского бедняка, в конце концов, собираются в один пучок света: жизнь в покаянии. Покаяние же в данном случае нужно понимать не как окказиональные покаянные практики, а способ жизни. Проблема, связанная с Мартином Лютером, не смотря на то, что его учение насчет покаяния очень близко святому Франциску и позже духу Тридентского Собора, состоит в том, что он идет против Церкви и Ее таинств. В ходе осуществления работы, возникали определенные трудности. Так, например, одной из наиболее ощутимых проблем, была трудность увидеть в источниках определенную последовательность и целостность темы, касающейся покаяния. Несмотря на трудности, автору после проделанной работы сопоставления в одно целое всего имеющегося материала, удалось прийти к следующим заключениям:

1. Церковь в Средневековье находилась в трудном положении как *ad intra*, так и *ad extra*, нуждаясь в обновлении и очищении от захлестнувших Ее различных еретических движений. Все эти движения явились реакцией на сложившуюся ситуацию в Церкви.
2. Упомянутые в работе катары, вальденсы и другие еретические движения призывали всех людей, а также сами, свидетельствовали о том, что в жизни человека должно иметь место покаяние.
3. Все они подчеркивали и стремились к жизни в чистоте, понимаемой в широком смысле. Видя у людей принадлежащих Церкви определенные человеческие слабости, они решили создать свою церковь - более «чистую», что в конечном итоге и привело к их осуждению.

4. В столь сложные времена для Церкви, Господь призывает святого Франциска, который должен, согласно словам самого Иисуса Христа, восстановить падающую Церковь. Для него жить согласно Евангелию - это творить покаяние. Придерживаясь такой позиции, он не хочет писать Устава, аргументируя, что самым лучшим Уставом является Евангелие.
5. Для Серафического Отца творить покаяние, прежде всего, быть монахом, чтобы таким образом более совершенным способом следовать за Христом. Он становится монашествующим, чтобы вместе с братьями проповедовать покаяние. Также для него творить покаяние подразумевает жить таинством покаяния, творить покаянные практики и конечно же, это стиль и образ всей жизни христианина.
6. Для Франциска важно не только, чтобы он сам и его братья творили покаяние, но прежде всего все христиане. Покаяние необходимо не только для церковной иерархии, не только для монашествующих, но для всех верующих.
7. Благодаря его способу следования за Христом в покаянии, он настолько уподобляется Христу, что получает стигматы. Его называют *Alter Christus*.
8. После Франциска появляются в Церкви различные трактовки покаяния. Распространение индульгенций приносит в Церковь огромную опасность восприятия покаяния, как чего-то, что можно купить.
9. Выступление Мартина Лютера явилось реакцией, на создавшуюся неблагоприятную ситуацию в Церкви. Доктор Лютер проповедует подобно Франциску покаяние как процесс всей жизни верующего. Что касается этой проблемы, разница между ними состоит лишь в том, что Мартин Лютер выступает против Церкви, а Серафический Отец в ее лоне и для ее блага.
10. Тридентский Собор и *Catechismus Romanus*, подхватив призыв Мартина Лютера, призывает всех верующих к жизни в покаянии.
11. В посттридентский период призыв Церкви к верующим о достойном плоде покаяния не прекращается. Особым образом это видно на примере Догматической Конституции о Церкви II Ватиканского Собора и Апостольского обращения Иоанна Павла II О призвании и миссии мирян в Церкви и в мире.

Покаяние как стиль христианской жизни, актуально и на сей день. По этому пути прошло множество прекрасных людей, достигших великой святости.

Этот способ жизни является дорогой, указанной самим Господом, идя по которой, человек сможет достигнуть того, к чему был призван изначально: Божественного Лицеизрения.